

РОВЕСНИК

10

1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Октябрь, 1979 год, № 10

«УРОК У КАРТЫ» о проблемах Латинской Америки рассказывают советский ученый, иностранные и советский журналисты

На первой странице обложки: эти подростки — дети Соуэто. Название черного гетто Йоганнесбурга облетело весь мир летом 1976 года и стало символом борьбы с апартеидом. События в Соуэто стали еще одним доказательством того, что «раздельное развитие рас» — политика, нарушающая все нравственные нормы человечества. Вот почему подростки из Соуэто, весь угнетенный народ ЮАР не одиноки в своей борьбе — на их стороне прогрессивные люди мира. 21 октября нынешнего года — День действий молодежи против апартеида.

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 14.08.79. Подп. к печ. 25.09.79. А03628. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 176 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1442.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВЕНА. В столице Австрии прошла встреча представителей советской и австрийской молодежи, посвященная борьбе за мир и разоружение. Председатель организации Коммунистическая молодежь Австрии В. Райнер в своем обращении к участникам встречи подчеркнул, что молодые австрийцы горячо поддерживают договор об ОСВ-2, считают его подписание значительным вкладом в укрепление мира на Земле. Собравшиеся потребовали запретить нейтронную бомбу и прекратить разработку новых видов оружия массового уничтожения.

ПАНАМА. В Неделе дружбы советской и панамской молодежи приняли участие представители Федерации студентов Панамы, Движения панамской молодежи, Национального союза панамских женщин. Гости из Панамы по приглашению ЦК ВЛКСМ и КМО СССР побывали в Москве и Армении; они познакомились с системой образования, социальными условиями жизни советской молодежи. Первая неделя дружбы советской и панамской молодежи стала еще одним шагом в укреплении дружеских связей между юношеством двух стран. Следующую такую встречу намечено провести в будущем году в Панаме.

СОФИЯ. Болгарский детский симфонический оркестр Центрального дворца пионеров «Пионер» получил приглашение от Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма выступить в штаб-квартире ООН в торжественном концерте, посвященном Международному году ребенка. Этот оркестр известен во всем мире, его гастроли с большим успехом прошли в СССР, ГДР, Англии, Австрии, Бразилии и других странах.

АДДИС-АБЕБА. До революции в столице Эфиопии не было ни одного бесплатного детского учреждения. Сейчас здесь открыто 29 детских садов, 102 игровые площадки, оборудуются помещения под детские читальные залы и учебные классы. К работе в детских учреждениях привлекаются женщины, таким образом, одновременно решается и проблема участия женщин в общественной жизни.

На снимке: воспитанники одного из детских садов Аддис-Абебы.

АСУНСЬОН. Газета парагвайских коммунистов «Аделанте» сообщила о новых арестах, проведенных тайной полицией Стресснера. На этот раз жертвами стали члены молодежной организации, выступающей за освобождение политических заключенных. Многие политические заключенные томятся в тюрьмах Парагвая по 15—16 лет. Другие просто бесследно исчезают после ареста. В октябре 1978 года «Ровесник» рассказал о судьбе одного из лидеров Федерации коммунистической молодежи Парагвая — Дерлиса Вильягра. Он был арестован осенью 1975 года. С тех пор прогрессивная общественность ведет борьбу за его освобождение. Комиссия по правам человека ООН обращалась к генералу Стресснеру с запросом о судьбе Вильягра и других политзаключенных. Однако и по сей день он значится в списках тех, кто пропал без следа в застенках парагвайской военно-политической диктатуры.

БЕРЛИН. В рамках подготовки к празднованию 30-летия республики во всех первичных организациях ССНМ прошли собрания «ГДР — мое социалистическое отечество». На них были приглашены ветераны партии, наставники. Эти собрания показали, что молодежь первого социалистического государства на немецкой земле с честью несет эстафету борцов-антифашистов, достойно продолжает революционные традиции, отлично трудится на производстве, в сельском хозяйстве, науке и культуре, твердо верит в правоту своего дела.

НЬЮ-ЙОРК. По сообщениям американской печати, все чаще происходят столкновения полиции с демонстрантами, требующими запретить деятельность ку-клукс-клана. Только в Бостоне в прошлом году было более тысячи таких стычек. В последнее время ку-клукс-клан активизировал свою деятельность: снова горят кресты и проходят сборища расистов, напоминающие худшие времена «охоты на ведьм». Клан усиленно вербует в свои ряды молодежь. В печать просачиваются сведения о связях клана с полицией. Свидетельствуют об этом и действия полиции во время разгона антирасистских демонстраций.

На снимке: одетые в штатское полицейские арестовывают участницу демонстрации против активизации клана.

САН-ХУАН. Печать Пуэрто-Рико — последнего колониального владения США в Вест-Индии — сообщила, что в ряде американских городов прошли демонстрации по случаю ежегодного Дня солидарности с борьбой народа Пуэрто-Рико. Участники демонстраций требовали государственного самоопределения Пуэрто-Рико и полного политического, экономического и социального равенства для пуэрториканцев, живущих в Соединенных Штатах. Пуэрториканцы в США подвергаются дискриминации во всех сферах жизни, среди них, например, самый высокий уровень безработицы по сравнению с другими группами населения.

БУДАПЕШТ. В связи с проведением Международного года ребенка Комитет по науке Всевенгерского Совета Мира обсудил вопрос о том, как осуществляются в Венгрии права детей. Как и в других социалистических странах, дети окружены здесь постоянной заботой и вниманием государства. Из года в год в стране постоянно растет число мест в яслях и детских садах. Венгерские ребята пользуются особыми льготами при посещении театров и концертов, для них по сниженным ценам продаются абонементы в кино. Посещение музеев и выставок для детей бесплатное. Ежегодно 35 тысяч школьников отдыхает по льготным путевкам в пионерских лагерях. В 1978 году средства, выделяемые на нужды детей, помимо расходов на образование, составили 6,4 процента годового бюджета Венгрии.

МАПУТУ. В столице Мозамбика был отмечен Международный день солидарности с борющимся народом Южной Африки. Для Организации мозамбикской молодежи (ОММ) этот день имеет особое значение — Народная Республика Мозамбик находится на переднем крае борьбы с расистскими режимами ЮАР и Солсбери. В последнее время участились агрессивные вылазки родезийского режима против республики, террористические акты и случаи саботажа. В ответ на происки расистов члены ОММ вступают в народную милицию, с оружием в руках защищают революционные завоевания. Отмечая День солидарности, члены ОММ, вся молодежь республики заявили о своей готовности стоять на страже завоеванной свободы, активно участвовать в реализации решений партии и правительства.

На снимке: манифестация молодежи в День солидарности.

7 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

Как только не называют наш век! И ядерным, и космическим, и веком НТР. И что характерно: во всех этих названиях подчеркиваются технические достижения XX столетия. Ну а если взглянуть с другой стороны, человеческой, то можно смело назвать его, например, веком туризма или даже шире — веком контактов. Люди едут, смотрят, сравнивают, анализируют...

Задайте любому путешественнику вопрос: на что прежде всего обращает он внимание, когда попадает в новое место? — и наверняка услышите в ответ: на то, что не так, как дома. Конечно, чтобы увидеть, понять и оценить это «не так», надо быть зрячим. И часто увиденное «зрячим гостем» в твоей стране помогает самому глубже понять и по достоинству оценить привычное, а потому и не всегда заметное.

Действительно, разве не интересно, что привлекло внимание, скажем, вот этого любознательного иностранца, попавшего, кстати, в объектив нашего фотокорреспондента?

Итак, посмотрим вокруг глазами нашего гостя — известного и у себя на родине, в США, и в нашей стране художника. К тому же Антон Рефрежье общественный деятель — член Всемирного Совета Мира, человек, умудренный годами, много повидавший на своем веку. Да и на-

блюдения свои он изложил не просто в частной беседе, а в газете американских коммунистов «Дейли уорлд». А это само собой предполагает, что наблюдения эти, по мнению автора, представляют большой общественный интерес. Так на что же обратил внимание Антон Рефрежье? Вот несколько выдержек из его писем, написанных из дома творчества Союза художников СССР в Гурзуфе, где Рефрежье отдыхал после болезни.

«В одном только Гурзуфе у Союза художников СССР целых три дома творчества. Здесь прекрасные условия для работы и отдыха. Художники работают в прекрасных мастерских дома творчества и выезжают «на натуру». Многие получают заказы от близлежащих колхозов и совхозов...»

«В каждом доме творчества есть врач и несколько медсестер. Утром мне здесь делают процедуры, причем, самое удивительное, совершенно бесплатно...»

«Вот я на работе, а сыновья в школе (это рассказывает Рефрежье медсестра Оля. — *Ред.*). Кончатся уроки, их покормят, поведут гулять. Потом уроки на завтра дадут готовить. И так до вечера, пока я с работы не приду. Это называется группа продленного дня. В каждой школе такая есть. Так что мы с мужем спокойны. Вообще, хорошо живем. Только бы войны не было. Главное для нас мир, а все остальное приложится...»

Мы, граждане СССР, честно говоря, вряд ли бы написали в письмах из Гурзуфа именно об этом. Потому что все, о чем пишет американский художник, для нас обычно, естественно. И мы попросили Антона Рефрежье объяснить, почему он решил рассказать читателям «Дейли уорлд» об этих фактах нашей жизни. Вот что он ответил: «Меня всегда интересовали люди, их жизнь, взгляды на мир. Многим моим соотечественникам это тоже интересно. Ведь у вас все по-другому, и мало кто имеет настоящее представление о России. Америка богатая страна, а вот о такой группе продленного дня, как у вас, многие американские родители могут только мечтать. А о помощи, которую государство оказывает здесь творческим союзам, я и вообще не говорю. У нас все обстоит совсем иначе. Сумел пробиться — будут деньги, будут возможности, а помогать никто просто так не станет... Вашему читателю, наверное, все это не очень интересно. Это ваша жизнь, вы ее знаете и не удивляетесь...» Антон Антонович замолчал, а потом улыбнулся и добавил: «Может быть, поэтому даже нужно иногда поглядеть на себя со стороны. Как писал ваш поэт? «Большое видится на расстоянье...» Так, кажется...»

Наш очередной «Урок у карты»[1] посвящен Латинской Америке — континенту с многотрудным и героическим прошлым, бурным настоящим и великим будущим.

На этих страницах несколько фрагментов из жизни, несколько типичных ситуаций, характеров, судеб, столь же контрастных, как сама Латинская Америка.

В БИТВЕ ЗА „ВТОРОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ"

УРОК У КАРТЫ

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
член-корреспондент АН СССР

Латинская Америка не сходит с газетных полос. На протяжении этого года мы читали о боях против кровавого режима Сомосы в Никарагуа и крахе этого режима под ударами патриотов, о расстрелах демонстрантов в Сан-Сальвадоре, о продолжающемся терроре в Чили и Уругвае, о выборах в Эквадоре, Венесуэле, Мексике, Боливии, о перевороте на острове Гренада. События самого разного плана, часто драматические, противоречивые, поражающие неожиданными поворотами, необычными характерами действующих лиц. Недаром журналисты, пишущие об этом континенте[2], называют его мятежным, пылающим, бурлящим.

Сами латиноамериканцы определяют современный этап своей истории как борьбу за «второе освобождение» — от гнета империализма, монополий, земельных олигархий. Первая битва за освобождение — от колониального владычества — привела к возникновению в XIX веке большинства нынешних независимых государств Латинской Америки. Все прогрессивное человечество чтит память героев антиколониальных войн — Симона Боливара, в честь которого была названа одна из республик — Боливия, руководителя чилийских патриотов Бернардо О'Хиггинса, пламенного кубинского поэта и революционера Хосе Марти.

Латинская Америка XX века вписала в историю имена Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты — выдающихся деятелей мексиканской революции 1910—1917 годов, Аугусто Сесара Сандино — вождя повстанческого движения в Никарагуа в 20—30-х годах, Эрнесто Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса — легендарных героев Кубы, Сальвадора Альенде и его соратников по Народному единству. Не только в Латинской Америке, но и на других континентах знают вождя кубинской социалистической революции товарища Фиделя Кастро.

Рассказывать о Латинской Америке в целом — задача одновременно и благодарная и трудная. Благодарная — потому что и прошлая и сиюминутная история континента соткана из ярких событий и судеб, отражающих неукротимое свободолюбие всех латиноамериканских народов, их стремление сбросить путы вековой отсталости, империалистического гнета, нищеты, утвердить свое право на собственные ресурсы, до сих пор расхищаемые иностранными монополиями. Трудная — потому что латиноамериканские страны, имея много общего и в истории, и в культуре, все же очень разные. Они отличаются, порой весьма резко, по этническому составу, уровню экономического развития, числу жителей и размерам территории, традициям, климатическим условиям. 320-миллионная Латинская Америка — это и испаноязычные республики (многие из них с большим процентом индейского населения), простирающиеся от холодной Огненной Земли до реки Рио-Гранде-дель-Норте, отделяющей латиноамериканский мир от Соединенных Штатов Америки. И гигантская Бразилия, 110-миллионное население которой говорит на португальском языке. И франкоязычное Гаити, и Суринам, и Кюрасао, где официальный язык — голландский. Это и бывшие английские владения в бассейне Карибского моря — Гай-

---

[1] *В этой рубрике были опубликованы подборки об Африке (№ 1, 1979) и Юго-Восточной Азии (№ 6, 1979).*

[2] *Термин «континент» в данном контексте, разумеется, несколько условен, ибо латиноамериканский мир простирается на часть Северной Америки. — Примеч. авт.*

ана, Тринидад и Тобаго, Ямайка, Гренада, Доминика, и до сих пор не получившие независимости Мартиника (Франция), Белиз (Англия), Пуэрто-Рико (США).

В этом кратком очерке можно представить, да и то в общих чертах, лишь политический и экономический портрет Латинской Америки. За рамками этого портрета — напряженный труд миллионов людей на плантациях и пастбищах, в рудниках и портах, на заводах и фабриках; неповторимая народная культура и традиции; творчество замечательных писателей, музыкантов, ученых; подвиги тысяч и тысяч мужественных революционеров, ведущих борьбу против тиранических режимов.

В политическом отношении Латинская Америка чрезвычайно разнолика.

Маяк для народов континента — Куба, строящая социализм. 1 января 1959 года, когда кубинцы сбросили ненавистного тирана, американского ставленника Батисту, стало датой, которая разделила историю Латинской Америки на две эпохи: до кубинской революции и после нее. Эта революция кардинально изменила политический климат на континенте, развеяв буржуазный миф о «географическом фатализме», то есть о невозможности развития стран западного полушария вне империалистической зависимости.

При поддержке социалистического содружества кубинский народ, преодолевая империалистическую блокаду, агрессию, диверсии, добился впечатляющих успехов в экономике, культуре, народном образовании, социальном обеспечении и здравоохранении. Социалистическая Куба — единственная латиноамериканская страна, в которой покончено с безработицей и неграмотностью.

Как же выглядит остальная часть политической карты Латинской Америки в тот момент, когда пишутся эти строки, то есть к середине августа? (Оговорка не лишняя. Учитывая «темперамент» латиноамериканской политической жизни, я не могу исключить возможность каких-то изменений ко времени выхода в свет этого номера «Ровесника».)

Ультрареакционные тиранические режимы (Чили, Парагвай, Гватемала, Сальвадор, Гаити) соседствуют с республиками, имеющими парламентско-президентскую форму правления (Коста-Рика, Панама, Доминиканская Республика, Венесуэла, Колумбия, Мексика). Возвратились к гражданской форме правления Эквадор и Боливия. Намечено, что в будущем году состоятся выборы в Перу, где сейчас у власти военные.

Армия в Латинской Америке давно уже политически неоднородна. Конечно, пиночеты и стресснеры еще не редкость на континенте. Но есть и военные, выступающие с патриотических позиций, в защиту национальной независимости. Такие офицеры осуществили в Перу радикальную аграрную реформу, в Мексике и Эквадоре национализировали нефть, в Панаме потребовали ликвидации монополии США на межокеанский канал.

Претерпела существенные изменения и другая традиционно консервативная сила Латинской Америки — католическая церковь. Некогда верный союзник олигархии и империализма, духовенство теперь расколото на различные течения, причем многие служители церкви осуждают диктаторские режимы, выступают в поддержку социальных преобразований. В Чили, Парагвае, Гватемале и других странах, где господствуют ультраправые силы, прогрессивные церковники подвергаются таким же жестоким преследованиям, как и другие демократы. В последние годы около тысячи служителей культа погибло в полицейских застенках тиранических режимов.

Демократизация и экономическое освобождение — вот два лозунга, с которыми выступают сегодня самые различные классы, группы и политические партии. Представление об остроте экономических проблем в странах Латинской Америки могут дать некоторые цифры, почерпнутые из официальных источников.

Половина населения Латинской Америки живет впроголодь. От 10 до 25 процентов трудоспособного населения не имеют работы, 40 процентов заняты не полностью, в основном на сезонных сельскохозяйственных работах. 80 миллионов взрослых не умеют читать и писать. Две трети национального дохода приходится на долю 20 процентов состоятельных классов. В полной мере дает себя знать и закон неравномерности развития капитализма. Так, средний доход на душу населения в Гаити в десять раз меньше, чем в Аргентине.

От колониальных времен осталась монополия на землю горстки крупных помещиков — латифундистов. Удел малоземельного и безземельного крестьянства — беспощадная эксплуатация.

Но виновники бедственного положения латиноамериканских стран не только местные латифундисты, финансовая олигархия и реакционная военщина. Другой виновник латиноамериканской трагедии, лихорадочной напряженности в политической, экономической и социальной жизни континента — империализм, прежде всего североамериканский. Исторически США своим превращением в крупнейшую капиталистическую державу во многом обязаны именно Латинской Америке, которую они использовали как рынок для промышленной продукции и источник дешевого сырья и рабочей силы. Монополии США и сейчас контролируют около трети всего промышленного производства Латинской Америки, львиную долю ее природных богатств — нефти, меди, железной руды, бокситов, марганца, цинка, свинца. Интерес монополистического капитала США к Латинской Америке растет год от года. На нее приходятся четыре пятых всех капиталовложений США в развивающемся мире. С 1961 по 1976 год североамериканские активы в Латинской Америке возросли с 13,5 до 60 миллиардов долларов. Каждый доллар, вложенный в Латинской Америке, приносит монополиям США 4—5 долларов. Так обескровливается экономика латиноамериканских стран.

Традиционный способ грабежа — «ножницы цен» на латиноамериканское сырье и промышленные изделия США. Эти «ножницы» режут все больнее. Только один пример. Два с лишним десятка лет назад Колумбия для покупки в США одного трактора должна была продать 17 мешков кофе, а в 1975 году — 60 мешков (и это несмотря на то, что мировые цены на колумбийский кофе успели повыситься к тому моменту на 30 процентов). Неудивительно, что общая задолженность латиноамериканских стран за последние три десятка лет совершила скачок с 2,2 миллиарда долларов до астрономической суммы в 100 миллиардов.

Самые ревностные охранители интересов Уолл-стрита к югу от Рио-Гранде — марионеточные диктаторы, которым зато позволяется кромсать оставшуюся часть «пирога» по своему усмотрению. Вот как выглядел тандем из монополий США и клана Сомосы. Североамериканский капитал до последнего времени контролировал в Никарагуа 90 процентов добычи полезных ископаемых, лесоразработок и рыбных промыслов, половину внутренней и внешней торговли, 40 процентов промышленного производства. Состояние же семейства Сомосы разбухло за последние двадцать пять лет с 60 до 500 миллионов долларов.

Революционная война в Никарагуа — одна из самых ярких страниц в современной истории национально-освободительного движения народов Латинской Америки. Попытки осуществить социальные преобразования, вырваться из тисков империалистической эксплуатации предпринимались на протяжении последних десятилетий в разных странах и каждый раз наталкивались на яростное сопротивление «великого северного соседа». В 1954 году США организовали вооруженную интервенцию в Гватемалу; демократическое правительство было свергнуто, и в стране воцарился террор. Пентагон и ЦРУ приложили руку к военному перевороту в Бразилии в 1964 году, чтобы не допустить национализации иностранных нефтяных предприятий и проведения аграрной реформы. В 1966 году морские пехотинцы США подавили народное выступление и сместили правитель-

ство конституционалистов в Доминиканской Республике. Нити фашистского путча в Чили в 1973 году и убийства президента Сальвадора Альенде тоже ведут на север.

Оценивая ход событий в Латинской Америке, Леонид Ильич Брежнев говорил на митинге в Гаване 29 января 1974 года: «Были в Латинской Америке замечательные взлеты освободительной борьбы, героические подвиги и победы. Но были и поражения, кровавые расправы с патриотами и революционерами. Опыт убедительно учит: там, где позиции империализма и его слуг оказываются под угрозой, буржуазия начисто забывает свою пропагандистскую болтовню о «демократии» и «свободном мире», она не останавливается ни перед каким насилием, ни перед какой жестокостью. События последних лет — кровавый фашистский переворот в Чили, наступление реакции в некоторых других латиноамериканских государствах — говорят об этом достаточно ясно».

Демократические силы, и прежде всего коммунисты, отдают себе ясный отчет в том, что революционно-освободительная борьба чрезвычайно сложна, что в ней могут быть приливы и отливы, неизбежные отступления и даже временные поражения. Но в целом развитие обстановки в Латинской Америке позволяет считать, что эта борьба находится на подъеме. Примечательно, что возрастает авторитет и влияние коммунистических партий. Хотя в большинстве латиноамериканских стран им приходится действовать в глубоком подполье и именно на них в первую очередь обрушивает свой террор карательная машина реакции, ряды коммунистов растут. Сегодня в компартиях Латинской Америки полмиллиона стойких борцов за дело демократии и социального прогресса. Они работают, борются, видя ясную историческую перспективу конечной победы над олигархией, реакцией и империализмом.

События последних лет показывают, что ушло то время, когда «великий северный сосед» чувствовал себя полновластным хозяином на всей территории к югу от Рио-Гранде. Если раньше он одолевал непокорных поодиночке, то ныне сопротивление диктату США приобретает форму коллективных действий в масштабах континента. Самый убедительный тому пример — провал политической и экономической блокады Кубы, навязанной в 1964 году странам — членам Организации американских государств. Спустя одиннадцать лет ОАГ официально отменила антикубинские санкции, которые, впрочем, к тому времени многими уже не соблюдались.

Чтобы сообща защитить свои интересы от натиска транснациональных, прежде всего североамериканских, корпораций, страны континента создали ряд экономических организаций — причем в такую крупную, объединяющую 26 стран, как Латиноамериканская экономическая система (основанная в 1975 году), входит Куба, но — впервые — не приглашены США.

Империализм США всегда стремился отгородить Латинскую Америку, которую он считал своей вотчиной, от внешнего мира; в этом смысл печально знаменитой «доктрины Монро» («Америка для американцев»). Но время берет свое. Страны Латинской Америки развивают всесторонние связи с государствами всех континентов. Большинство из них поддерживают торгово-экономические связи с социалистическим миром. Заключив с нашей страной долгосрочные соглашения, Мексика, Аргентина, Перу, Колумбия, Коста-Рика и другие страны континента получили, что очень важно для них, стабильные рынки сбыта своей экспортной продукции, надежные источники промышленного оборудования и бескорыстную, лишенную каких-либо условий научно-техническую помощь.

Перемены в Латинской Америке, как подчеркивалось на конференции 24 коммунистических партий этого региона, состоявшейся в 1975 году в Гаване, — часть мирового революционного процесса, и поэтому «великая битва, перед лицом которой стоят ее народы, должна превратиться во вторую и окончательную битву за независимость».

Куба, бесспорно, благодатная земля — с тропическим климатом, разнообразными природными ресурсами — никелем, кобальтом, марганцем, железом, мрамором. И хотя в других латиноамериканских странах климат не хуже, а подземные «кладовые» и побогаче, но именно Куба показывает пример стабильного хозяйственного развития и радикального решения социальных и культурных проблем. Успехи двадцатилетней социалистической республики во многом результат трудового героизма молодежи — ровесников кубинской революции.

ТАМ, ГДЕ ОТКРЫЛИ АМЕРИКУ

В. ВЕСЕНСКИЙ

Ольгин для меня всегда был особой провинцией Кубы, местом с удивительным прошлым и не менее удивительным настоящим. На побережье этой провинции высадился Христофор Колумб. У реки Дос-Риос в одном из боев с испанскими войсками погиб национальный герой Кубы Хосе Марти — человек, создавший революционную партию и возглавивший войну 1895—1898 годов за независимость Кубы от испанской короны. Здесь воевал знаменитый Калисто Гарсия — генерал национально-освободительной армии «мамби»[1], активный участник первой войны за независимость Кубы (1868—1878 гг.). Ольгин дал революции пламенного революционера Кинтина Гарсело Лопеса. Он родился в 1879 году, юношей вступил в отряды «мамби», сражался против испанцев в 1895 году, в 1931 году стал одним из основателей организации кубинских коммунистов в Ольгине, создавал крестьянские профсоюзы. Кинтин Гарсело Лопес прожил девяносто один год и стал свидетелем революции 1959 года и строительства социализма на Кубе.

Кубинцы всегда подчеркивают, что победа революции была результатом усилий многих поколений революционеров. Связь между поколениями особенно наглядна в Ольгине. Когда знакомишься с историей этой провинции, с героическими судьбами выдающихся ольгинцев, уже не кажется случайным, что именно здесь родились братья Фидель и Рауль Кастро.

...Мы приземлились в аэропорту Ольгина ночью, а утро следующего дня по традиции было отдано посещению исторических и памятных мест. Особенно запомнился музей Ольгина, где собраны реликвии героического прошлого: пушки и самодельные ружья патриотов, воевавших за независимость Кубы; письма героя первой войны за независимость, первого «президента восставшего с оружием в руках народа» Карлоса Мануэля де Сеспедеса (кубинцы называют его отцом нации); платок, которым закрыли лицо павшего в бою Хосе Марти; оружие и личные вещи Калисто Гарсия; фотографии героев революции, отдавших жизнь за свободу и независимость Кубы, за социализм. Рядом со мной по музею ходили группы ребят — школьники и студенты. Они внимател-

[1] *Так испанцы прозвали восставших: «мамби» — значит «сын обезьяны и ястреба», то есть некое загадочное существо, внушающее страх. — Примеч. ред.*

но рассматривали экспонаты, расспрашивали экскурсоводов, делали пометки в записных книжках. Интерес к революционному прошлому на Кубе видишь повсюду, в Ольгине особенно. Нынешнее поколение, ради счастья которого боролись и умирали лучшие сыновья и дочери Кубы, приняло революционную эстафету и самоотверженно трудится над важной задачей революции — индустриализацией страны, и Ольгин — один из главных участников строительства индустриальной Кубы.

Накануне победы революции 1959 года страна полностью зависела от производства сахара, который поставлялся в США. Американские монополии контролировали всю экономику Кубы, начиная от производства цемента и кончая напитком «кока-кола». В их руках находились электрические, телефонные, газовые компании, Национальный банк, пищевая промышленность, нефтеперегонные заводы. Хозяйничали они и в розничной торговле. Более миллиона кубинцев не умело читать и писать, каждый третий был безработным, около половины детей не училось в школе.

Со многими бедами на Кубе было покончено, как известно, уже в первые годы революции. А к нынешнему времени создана экономическая база для развития социализма. Основой социалистического строительства стала новая, поставленная на службу всему обществу промышленность. Знакомство с настоящим и будущим промышленного производства на Кубе, с тем, как индустриализация влияет на судьбы людей, и было целью моей поездки в Ольгин.

На завод имени 60-летия Октябрьской революции я приехал в полдень.

Карлос Каньедо, молодой, лет тридцати, главный инженер завода, встретил радушно. «Как доехали?» — спросил он по-русски, давая понять, что разговаривать можно на моем родном языке. Русский он действительно знал отлично. Учился в Харькове, получил диплом инженера-механика. По возвращении на Кубу работал инженером в сельском хозяйстве, а сюда приехал во время сдачи завода в эксплуатацию.

Рассказ о заводе он начал издалека:

— Вы видели, как рубят тростник вручную при сорокаградусной жаре и под проливным дождем?

Я видел и рубил сам. Не так долго, конечно, как это приходится делать рубщикам сахарного тростника в пору сафры. Но достаточно, чтобы понять, насколько тяжел их труд. Шаг вперед, наклон влево, левой рукой берешься за толстый стебель тростника, чуть пригибаешь его, взмахиваешь мачете и р-раз — рубишь почти под корень. Распрямляешься, поднимаешь срубленный стебель и, ударив мачете по его верхушке, отбрасываешь в сторону. Тяжелый, полный сладкого сока обрубок шлепается на мягкую после дождя черную землю, а ты делаешь новый шаг вперед, слегка наклоняешься влево... Рядом мерно покачиваются береты и соломенные шляпы, плавно двигаются, подчиняясь общему ритму, темные пятна мокрых от пота рубах. Никто зря не спешит. Суета не помогает. Рабочий день должен пройти в одном ритме от восхода до заката. В этом залог успеха.

— До революции на сафре работало около четырехсот тысяч мачетеро, — говорит Карлос. — Настоящая армия полубезработных «сезонных рабочих». Несколько месяцев тяжелого труда на плантациях за мизерную плату, жизнь вдали от семьи, а потом опять сиди без работы. До следующей сафры. Революция не могла мириться с таким положением. Надо было освободить людей от этого изнурительного труда. Да и в интересах быстрого развития экономики следовало взяться за механизацию рубки сахарного тростника.

Идея замены мачетеро машиной возникла давно. За нее горячо ратовал еще Эрнесто Че Гевара. Разрабатывали проект машины советские и кубинские специалисты. Сначала это был прицепной уборочный комбайн, потом самоходный. Модели комбайна создавались на заводе имени Ухтомского под Москвой. Там же начали выпускать и первые серийные комбайны, а точнее, собирать их, потому что детали для комбайнов производили десятки предприятий Советского Союза. О строительстве завода, который мог бы производить комбайны на самой Кубе, заговорили в шестьдесят пятом году. В семидесятых начали разрабатывать проект, и в 1978 году в стране появились первые комбайны отечественного производства.

— Значит, ольгинцев надо поздравить с еще одним новым заводом? — сказал я.

— Нет-нет, — сказал Карлос с вежливой улыбкой, — это не «еще один» завод. Это современнейшее по технологии предприятие с уникальной продукцией. Сейчас мало кто в мире производит тростниковоуборочные комбайны. А что касается Кубы, то за всю нашу историю вообще никогда не выпускалось таких сложных машин.

Мы отправились смотреть завод. Консольные краны ритмично подавали стальные листы в заготовительный цех. На газорезных автоматах листы разрезались на заготовки и поступали на сварку. Постепенно обрастая новыми деталями, рама комбайна двигалась по цехам.

На сложных станках, изготовленных в Советском Союзе и других социалистических странах, работает в основном молодежь. В кузнечно-прессовом цехе мы задержались у мощного пресса, которым управляла ма-

на стр. 13 ▶

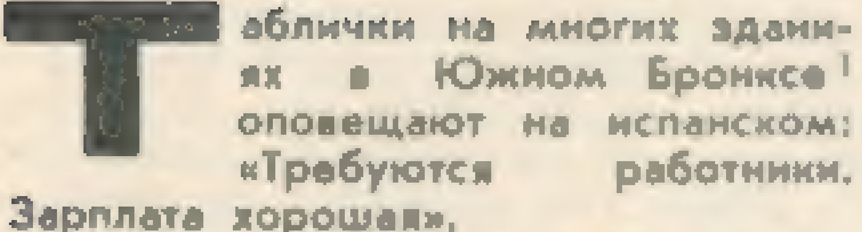
Люди на фотографиях, взятых из американского журнала «Нэшил джиогрэфик», — мексиканцы, которые, не найдя работы на родине, решили попытать счастья в США, но были задержаны иммиграционными властями и отправлены обратно.

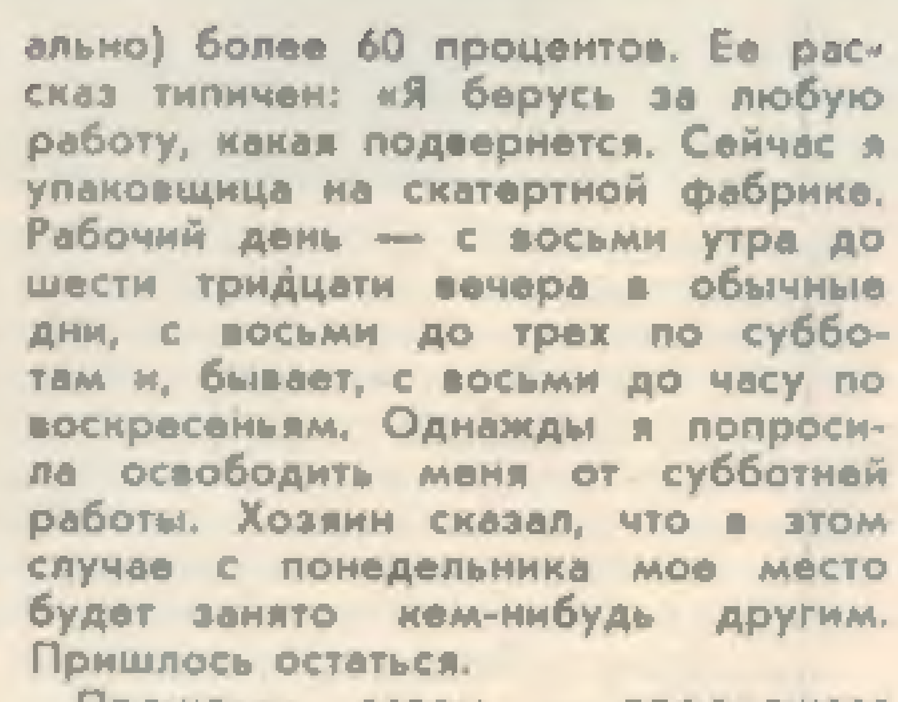
В статье, перепечатанной нами из либерального американского журнала «Прогрессив», рассказывается о тех, кому удалось обойти пограничные кордоны и в полной мере вкусить «счастье» на североамериканских «потогонках», как называют предприятия, использующие труд нелегальных иммигрантов.

А за этими свидетельствами еще один пример изощренной эксплуатации могущественным северным соседом ресурсов, в данном случае людских, латиноамериканских стран.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОТОГОНКИ

Барбара КЕППЕЛ,
американская журналистка

Таблички на многих зданиях в Южном Бронксе[1] оповещают на испанском: «Требуются работники. Зарплата хорошая».

Сами здания на вид давно необитаемы и разорены. Но это только снаружи. Внутри же кипит работа. Женщины склоняются к швейным машинкам. Кругом горы шитья, ниток, в воздухе густая пыль. «Зарплата хорошая»? Что-то не верится...

В то время как экономисты пишут об упадке производства в Нью-Йорке и финансовых трудностях, вызванных бегством из города промышленных фирм, этот вид предприятий явно процветает. И по иронии судьбы — тот самый вид, который в свое время положил начало богатству Нью-Йорка, — потогонка[2].

[1] Район Нью-Йорка, населенный преимущественно латиноамериканцами. — Здесь и далее примечания редакции.

[2] В оригинале использован термин sweatshop, который разъясняется словарями как «предприятие, где существует потогонная система».

Да, потогонка вернулась. И не только в Нью-Йорк. На другом конце страны, в Лос-Анджелесе, сейчас тоже появились мастерские, где никакой механизации — ручной труд. Такие мастерские плодятся по всей стране, питаемые дешевой рабочей силой из Мексики и других стран Латинской Америки. Значительную долю этого неиссякаемого источника составляют иммигранты, приехавшие нелегально, без документов, согласные на любую работу. Мелкие и средние фирмы охотно этим пользуются. Только в «китайском городе»[1] Нью-Йорка число потогонок за последние три года более чем удвоилось: было около 200, сейчас примерно 450.

Долорес Х. из Пуэрто-Рико. У нее несколько специальностей, и она немного владеет английским. Живет в Южном Бронксе, где уровень безработицы (фактический, а не тот, который признается официально) более 60 процентов. Ее рассказ типичен: «Я берусь за любую работу, какая подвернется. Сейчас я упаковщица на скатертной фабрике. Рабочий день — с восьми утра до шести тридцати вечера в обычные дни, с восьми до трех по субботам и, бывает, с восьми до часу по воскресеньям. Однажды я попросила освободить меня от субботней работы. Хозяин сказал, что в этом случае с понедельника мое место будет занято кем-нибудь другим. Пришлось остаться.

Прошлым летом, — продолжает она, — стояла невыносимая жара, а все окна у нас закупорены. Я два раза теряла сознание. Зато зимой цех не отапливается, и мы работаем в шапках, пальто и рукавицах. Помню, в очень морозный день мы попросили хозяина отпустить нас домой. Он сказал, если мы уйдем — не получим ни гроша».

Стюарт И. работает в «китайском городе» — утюжит по тридцать пять дюжин юбок в день. Он знает, что ему платят мало, но не жалуется. «Стоит заикнуться, меня уволят».

[1] Так называемый Chinatown — район, населенный выходцами из Китая.

В Бруклине я встретила Эрмандо М., нелегального иммигранта из Доминиканской Республики. Семь лет он работал на сварке без маски и щитка. Сейчас в свои пятьдесят два года он полный калека. «Нам выдавали противошумовые затычки для ушей и больше ничего. Никто не жаловался, и никакой инспектор никогда у нас не появлялся»

Небольшие фирмы, чтобы выдержать конкуренцию, должны как-то изворачиваться. Одни переместили производство на юг Соединенных Штатов или за границу, в такие «райские уголки», как Тайвань и Филиппины, где рабочая сила обильна, дешева и послушна. Другие обнаружили, что не менее прибыльно обзавестись потогонками прямо на месте

«Потогонка оказалась конкурентоспособна», — говорит Филип Сипсер, нью-йоркский адвокат, занимающийся трудовыми конфликтами Он поясняет, что прибыли в этом случае гарантированы благодаря заниженной заработной плате, отмене всяких льгот и отказу от усовершенствования оборудования. Подобно своему прародителю в XIX веке, новая потогонка осваивает такие производства, где можно интенсивно использовать ручной труд: выпуск швейных изделий, игрушек, галантереи, сумок и чемоданов, паяльные, сварочные и другие мелкие работы с металлом. Как показывает практика, дело весьма прибыльно. Искусственная роза из шелка продается в магазине за 2 доллара 75 центов, в то время как расходы на ее изготовление составляют 15 центов

От Нью-Йорка до Лос-Анджелеса формы эксплуатации везде одинаковы. Заработная плата в лучшем случае едва достигает официально установленного минимума, обычно же она гораздо ниже, особенно там, где действуют сдельные расценки. Рабочая неделя — 50—60 часов. «Я сижу по десять часов в мастерской и еще четыре часа дома. И так каждый день», — говорит швея Марина Э. Она иммигрантка без всяких прав, и у нее нет выхода. Ей надо кормить себя, сына и посылать деньги на родину, в Эквадор, где у нее еще пятеро детей

Любые вопиющие злоупотребления сходят компаниям с рук. Каким образом? Существует множество всяких уловок. К примеру, в механических мастерских Лос-Анджелеса рабочим выписывают одну зарплату на двоих; таким образом, в финансовой отчетности предприятия в графе «средний заработок» проставляется сумма в два раза большая, чем на самом деле. В других местах заставляют расписываться за одну сумму, а вручают меньшую, какая будет угодна хозяину.

Удлиненный в полтора рабочий день стал нормой, но компании не поймаешь и на этом. В документах о сверхурочных часах ни слова. Администрация фиксирует только те данные, какие ей удобны. Отпуск, оплата праздничных дней, пособие по нетрудоспособности, пенсии — на таких потогонках вещь неслыханная Нет там, как правило, и профсоюзных организации.

Рабочие, увольняемые на время, когда наступает «вялый сезон», редко получают компенсацию по безработице; предприниматель заявляет, что они уехали на родину и потому он им ничего не должен

Об охране труда или самой элементарной технике безопасности на потогонках никто не заботится. Там, где имеют дело с химией, рабочие страдают от ядовитых испарений.

Механизмы изношены до опасного предела. Растет число несчастных случаев, но их держат в секрете. Бич потогонок — постоянный стресс, нервное истощение.

Потогонки редко попадают в поле зрения общественности. Представители промышленных и торговых кругов уверяют, что проблему не стоит преувеличивать. В Нью-Йорке, где за последнее десятилетие число рабочих мест сократилось на полмиллиона, рассуждают так: пусть будут хоть такие места, чем никаких. Политики меньше всего готовы раздражать предпринимателей. «До сих пор, — утверждает Сипсер, — не было ни одной настоящей проверки фактов чрезмерной эксплуатации, потому что такая проверка напугала бы деловые круги». Он добавляет, что потогонка, кроме всего прочего, — это своего рода социальный механизм, который помогает предотвратить взрыв протеста. «Американская беднота и не помышляет о приличной работе. На пособие по бедности концы с концами не сведешь, поневоле согласишься на любой приработок, как бы мало тебе ни платили».

Что касается профсоюзов, то они вынуждены идти на уступки, стремясь любой ценой удержать фирмы от бегства в развивающиеся страны или на юг Соединенных Штатов, где рабочая сила не организована в профсоюзы. Когда рабочие обращаются в свой профсоюз за помощью, им советуют «пойти на компромисс с предпринимателем». Особенно достается иммигрантам, среди которых много мексиканцев, прибывших нелегально. Представитель профсоюза портовых и складских рабочих Лоренцо Гонсалес рассказывает: «Перед самым собранием по выборам профсоюзной ячейки предприниматель вызывает агентов иммиграционной службы и выдает им тех не имеющих документов рабочих, которые поддерживают профсоюз. Или еще проще: эти рабочие изгоняются с предприятия без лишних разговоров. Если профсоюзу все же удается создать свою организацию на данном предприятии, владельцу ничего не стоит ликвидировать дело и открыть его на другой улице под новой вывеской, взяв с собой только послушных рабочих».

В Нью-Йорке дополнительные трудности причиняют подставные, так называемые «рэкетные»[1] профсоюзы. Как только законный профсоюз начинает действовать активно и успешно, предприниматель обращается к «рэкетному», заключая с ним полюбовный договор, не предусматривающий никакой защиты интересов рабочих. Добиться аннулирования этого фиктивного договора не так-то просто.

Боясь потерять место, рабочие сносят ежедневные помыкания и злоупотребления беспрекословно. «Где найдешь другую работу? — говорят они. — А если и найдешь, она будет не лучше». Действовать с оглядкой на службу иммиграции вынуждены и те, кто помогает иностранным рабочим. Один священник из Бруклина[1] говорит: «Мои прихожане живут в страхе и нищете, а я не могу рассказать властям о том, что знаю, так как это равносильно предательству. Да и все равно никакого прока от жалобы не будет».

Государственные учреждения, призванные наблюдать за исполнением законов и вскрывать нарушения, признают свою полную беспомощность. Штаты и права у них ограничены, а задача огромна. В федеральном управлении, занимающемся вопросами оплаты и количества рабочих часов, скопилось 30 тысяч нерасследованных жалоб. Представитель федерального управления по технике безопасности и охране здоровья Ник ди Аркейнджел признает: «Нам понадобилось бы от пятидесяти до ста лет, чтобы проинспектировать все предприятия хотя бы по одному разу, поэтому многое так и остается нам неизвестным. Например, случаи тяжких увечий, вплоть до потери конечностей, из-за некачественного оборудования. Рабочие молчат, и их понять можно. Хотя мы держим в тайне имя того, кто к нам обращается, предприниматель все равно докопается и уволит этого человека».

И все остается, как есть, — злоупотребления продолжаются, число потогонок растет, а предприниматели уверены в своей безнаказанности. «Они не боятся проверок, — говорит Бэзил Уайтинг, один из тех, кто проводит проверки. — Им выгоднее заплатить штраф, чем устанавливать дорогостоящее оборудование, отвечающее нормам техники безопасности. Да и штрафы вполне терпимые. Даже уплатив их, владелец остается не внакладе».

Как ни странно, именно на иммигрантов у нас сваливают вину за многие экономические неурядицы. Это они, оказывается, создают дополнительное напряжение в хозяйстве нашей страны, обременяют систему социального обеспечения, «крадут» рабочие места у американцев, сбивают уровень заработной платы и при этом не вносят никакого вклада в наше общество. Разберем эти обвинения.

Вопреки распространенному мнению, как видно из недавнего исследования министерства труда, иммигранты отдают нашему государству больше, чем получают от него: 77 процентов из них делают взносы на социальное страхование, 73 процента выплачивают подоходный налог, а пособия получают только 5—10 процентов. Большинство избегают обращаться за помощью, чтобы не попасть на заметку службе иммиграции.

Трения между соперничающими группами на рынке труда только на руку предпринимателям. «В периоды процветания, — пишет экономист Дэвид Гордон, — иммиграция используется для внесения разлада в ряды рабочих, корпорации играют на расовых и этнических различиях... Когда же наступает депрессия, иммигранты служат козлами отпущения, отвлекая внимание рабочих от истинных причин безработицы, коренящихся в самой экономической системе».

Сомнительно также, что иммигранты сбивают общий уровень зарплаты. По мнению социолога Марвина Серкина, уже сложилась «двухъярусная» система оплаты труда. Одна плата — для иммигрантов и совсем другая — для коренных граждан США.

Нет сомнения, что сегодняшние иммигранты приносят пользу нашей экономике точно так же, как миллионы их предшественников. Как рабочие они в историческом плане всегда служили нуждам экономики США: податливость к эксплуатации делала их ценным для предпринимателей источником рабочей силы. Как потребители они стимулируют развитие легкой промышленности в местах своего обитания, расходуя большую часть зарплаты на товары первой необходимости.

Ожидать, что предприниматели добровольно пойдут на улучшение условий труда иммигрантов, — значит предаваться иллюзиям. Их цель — максимальные прибыли, и потогонка — чудодейственное средство для достижения этой цели. И не только в США. Такие предприятия уже появляются, например, в Англии, где используются иммигранты из Пакистана, Индии и Вест-Индии. Межнациональные корпорации, зачастую контролируемые американским капиталом, выживают с земли крестьян в развивающихся странах, вынуждая их перебираться в города. Не найдя там работы, эти люди вынуждены эмигрировать в поисках заработка.

Потогонки будут существовать и множиться с ухудшением экономической ситуации. От них невозможно избавиться без устранения коренных причин. Пока же те, кто не затянут в потогонки, находят для себя выгодным или удобным не замечать их вообще. А те, из кого гонят пот, силой обстоятельств приговорены к молчанию.

---

[1] *Словом «рэкет» называют в США действия преступных организаций, занимающихся вымогательством, шантажом и мошенничеством.*

[1] *Район Нью-Йорка, населенный неграми и латиноамериканцами.*

со стр. 9 ▼

ленькая, хрупкая девушка. Девятнадцатилетняя Дорис Перальта «уже целых два месяца» на заводе. Нравится ли работать? «Ой, так интересно, на завод хожу как на праздник!» Одета она была действительно по-праздничному: отутюженные брючки, белоснежная кофточка с кружевами, в ушах сережки И ворочала стальную полосу, подставляя ее под пресс, без обязательных рукавиц, голыми руками. Ее мало волновали правила техники безопасности, в связи с чем главный инженер прочел ей небольшую нотацию. Я не мог сдержать улыбки Когда мы отошли, Карлос сказал.

— Никак не приучу этих девчонок работать в спецовке и перчатках. Но, правда, есть проблемы и посерьезней К нам приходят люди в основном из сельской местности Большинство не только такого современного производства не видели, но часто и с машинами-то соприкасаются впервые. Поначалу устают от ритма работы, дисциплины. Крестьянин ведь не считает минуты Чуть позже начать, чуть позже закончить — какая разница? Приходится разъяснять им азы фабричных порядков. Но нужно отдать им должное — работают с энтузиазмом Дорис не рисовалась, когда сказала, что ходит на работу как на праздник. Вчерашние крестьяне получают здесь не только профессию, но и учатся новой жизни

Сейчас трудности первых месяцев преодолены. Завод набирает темпы выпуска комбайнов Здесь уже две тысячи рабочих, около [illegible] техников, десятки инженеров. На наиболее ответственных участках производства вместе с кубинцами работают советские специалисты. Они передают своим друзьям опыт, готовят себе замену. Через несколько месяцев кубинские инженеры и техники будут полностью обслуживать все производство

Вечером в гостинице, прослушивая магнитофонные записи бесед с рабочими, я думал о том, как завод меняет жизнь некогда заброшенной сельской провинции Вспоминал вереницу новеньких ярко-желтых комбайнов у серебристо-серой стены огромного цеха. Они были похожи на корабли, выстроившиеся в колонну перед выходом в море

Родриго Рамиресу исполнилось сорок шесть. Теперь он работает на заводе наладчиком станков Специалист высокой квалификации Еще раз прослушиваю запись разговора с ним

О чем он мечтает? — Чтобы его дети получили высшее образование

Что хотел бы для себя лично? — Жить как живет Работать на заводе, по вечерам читать книги, ходить в театр

Как могла сложиться его жизнь, если бы не было революции?

Родриго родился в бывшем воровском местечке Руарда ла Бака, по-русски· «Там, где прятали коров» Его отец был сельскохозяйственным рабочим на плантации, принадлежавшей американцам. Родриго начал помогать по хозяйству в восемь лет — пас коров, учился в школе Когда Родриго окончил три класса, отец потерял работу На плантацию напали какие-то жучки, и все погибло В их селении все остались без работы. А семья у отца Родриго была семнадцать душ. Продали все, что имели, и купили крохотный клочок земли под сахарный тростник. Жили впроголодь Поэтому дети, закончив сафру на своем участке, шли помогать соседям

— Наверное, если рубить тростник с детства, можно привыкнуть к этой тяжелой работе? — спросил я

— Никогда, — ответил Родриго.

После революции он устроился дежурным на заправочной станции, позже попал на курсы подготовки механиков — вся страна осваивала технику. А потом его направили учиться в СССР, где он год учился профессии наладчика станков Так изменилась жизнь крестьянского сына, сельскохозяйственного рабочего-сезонщика...

— Выезжаем рано утром, — сказал Сельсо Игуалада, секретарь районного комитета Союза молодых коммунистов в городе Моа.

Он приехал в Ольгин накануне по своим комсомольским делам и, узнав о моем намерении посетить Моа, пригласил поехать с ним Я был рад приглашению. Три часа дороги — три часа разговора со знающим человеком

И вот мы в пути. Машина идет сначала по асфальту, потом по грунтовой широкой дороге. Близость большой стройки с каждым километром ощущается все больше Все чаще встречаем БелАЗы, самосвалы с породой, бульдозеры, скреперы. Промелькнул ЗИЛ — фургон с надписью по-русски «Техпомощь»

Дорога буро-красная, размытые ливнями холмы тоже буро-красные

— Торопимся строить, — говорит Сельсо, — рабочих рук не хватает, а холмы-то нужно бы засадить деревьями, кустами — иначе беда. Когда дует ветер, весь город становится красным, и сам от пыли не отмоешься, пока три душа не примешь.. Но сейчас главное — стройка

«Главное — стройка». Эту фразу я часто слышал, когда речь заходила о Моа Моа — это огромная кладовая природных богатств. Великолепные, одни из лучших в мире никелевые руды, в них кобальт. Первыми эту кладовую нашли американцы Они не афишировали свое открытие Долгое время геологические разработки держали в секрете. А перед самой революцией на берегу залива появился современный никелевый завод. Дорог к нему не подводили. Зачем? Население поселка Моа — пять тысяч жителей — стало дешевой рабочей силой для строительства. Несколько сот человек обучили самым простым операциям. На специально построенном причале с завода отгружалась для США обогащенная руда и выгружалось все необходимое для поселка, оторванного бездорожьем от всей страны. Инженеры и техники — американцы Кроме них, никто не знал и не должен был знать ни технологии, ни объема производства

Когда в Моа пришла революция, завод был национализирован. Американцы успели сжечь всю документацию. Кто-то из администрации бросил рабочим перед отъездом: «Без нас вы никогда не сможете работать здесь!»

— Вот он, завод, — сказал Сельсо

Мы остановились. С дороги были видны круглые озера отстойников, корпуса завода, из труб поднимался белый, как борода Черномора, дым. Завод работал на полную мощность. Его пустили кубинские и советские специалисты

— А теперь поедем на стройку второй очереди комбината, — сказал Сельсо.

Тщательные исследования геологов, проведенные после революции, дали основания утверждать, что Моа располагает огромными запасами никелевой руды: на 150 лет интенсивной добычи открытым способом Было решено построить здесь вторую, а затем третью очередь комбината.

Когда закончится строительство, никель будет давать стране больше дохода, чем сахар Но никель еще не все. Порода, из которой его извлекают, — это железная руда высочайшего качества. Некоторые глыбы этой породы можно резать автогеном — до 97 процентов железа в руде! Значит, можно предположить, что в будущем здесь, в провинции Ольгин, вырастут и предприятия черной металлургии

Мы въехали на территорию стройки. Филигранные башни арматуры, краны, машины, вспышки электросварки.. Привычный для нас вид большой стройки Он становится привычным и на Кубе. И это замечательно, что люди из местечек вроде «Там, где прятали коров» перестают удивляться и робеть перед могучей современной техникой и она становится частью их повседневной жизни

Гавана — Москва

18 июля 1979 года в 10 часов 30 минут «Радио Сандино» — голос свободной Никарагуа — объявило о победе демократической власти в стране. Почти полувековой тирании династии Сомосы пришел конец. Победа.

Нам предстоит еще многое узнать об освободительной войне в Никарагуа, завершившейся изгнанием ставленника США — Анастасио Сомосы. Но сейчас хочется вернуться к эпизоду, который сыграл роль детонатора всенародного восстания.

Тогда, в августе семьдесят восьмого, никто не знал, чем все кончится: страна затаив дыхание следила за поединком между горсткой смельчаков, захвативших здание парламента, и до зубов вооруженным деспотическим режимом. Как показали последующие события, тем подвигом партизан-сандинистов заявила о себе нарождавшаяся революция. И все, чем сильна и прекрасна эта революция, раскрылось уже в той первой, легендарной теперь победе: мужество и верность долгу, отвага и выдержка бойцов, целеустремленность и организаторский талант руководителей. Вот почему мы и хотим познакомить вас с подробностями дерзкой операции, воссозданными мастером современной латиноамериканской прозы.

КАК АТАКОВАЛИ „СВИНАРНИК"

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС,
колумбийский писатель

Этот план казался просто [illegible] дня должны были атаковать Национальный дворец и захва[illegible] ченных. Мрачное двухэтажное здание [illegible] численные боковые окна смотрят на [illegible] главное налоговое управление. Это самое многолюдное и самое по[illegible] двери всегда стоит по вооруженному полицейскому. Еще два полицей[illegible] часы в кабинетах, коридорах и под[illegible] всегда считало, что штурм этого оп[illegible] ствием

Фактически план придумал и предложил еще в 1970 году один из старейших бойцов Фронта, Эден Пастора. Однако осуществить его суждено было лишь жарким августом того года, когда стало совершенно очевидным, что Соединенные Штаты приняли решение помочь Сомосе остаться на обагренном кровью троне до 1981 года. «Те, кто надеется на мое слабое здоровье, ошибаются, — заявил диктатор со свойственной ему самоуверенностью после возвращения из Вашингтона. — У других оно еще хуже». О трех займах по 40, 50 и 60 миллионов долларов каждый, стало известно позже. Национальный совет ФНОС пришел к выводу о необходимости дать решительный ответ и приказал начать осуществление плана, который столько раз откладывался в течение восьми лет. Поскольку речь шла о за-

---

[illegible] Сомози в [illegible] — *[illegible] ред.*

хвате верных режиму парламентариев, операцию назвали операцией «Свинарник».

Ответственность за проведение операции была возложена на трех испытанных бойцов. Первым был человек, который задумал этот план и который должен был руководить его осуществлением. Эден Пастора из 42 лет своей жизни двадцать посвятил активной борьбе против диктатуры. Он обладает великолепным чувством юмора, однако с его помощью ему не удается скрыть свою властность.

Пастора происходит из патриархальной семьи. Среднее образование получил в иезуитском колледже, а затем три года учился на медицинском факультете университета в Гвадалахаре в Мексике. Всего три года из пяти, потому что несколько раз он прерывал занятия, чтобы вновь вступить в партизанскую борьбу у себя на родине и лишь после того, как терпел поражение, возвращался к учебе. Одним из самых ранних его воспоминаний стало убийство его отца в собственном доме национальными гвардейцами Анастасио Сомосы Гарсиа. Эдену в то время было семь лет.

По традиции, существующей у сандинистов, руководителя операции называют «номер ноль».

Вторым ответственным за штурм был назначен Уго Торрес Хименес, опытный, проверенный тридцатилетний боец. Его политическая подготовка была на таком же уровне, как и боевая. Он принимал участие в нашумевшем нападении на дом, где родственники Сомосы встречали новый, 1974 год. Его приговорили заочно к 30 годам тюремного заключения, и с тех пор он жил в Манагуа в глубоком подполье. Как и в предыдущей операции, он стал «номером один».

«Номером два» была единственная женщина в отряде, 22-летняя Дора Мария Тельес. Эта красивая, скромная, задумчивая девушка обладает глубоким умом и рассудительностью, которые всегда помогали ей в критические моменты жизни. Она также в течение трех лет изучала медицину в Манагуа. «Но, разочаровавшись, я бросила учебу, — говорит Дора Мария. — Очень грустно лечить истощенных работой детей, чтобы затем, спустя три месяца, они вновь возвращались в больницу в еще худшем состоянии». Она вступила в партизанский отряд, действовавший на севере страны, и с 1976 года работала в подполье.

В отряд входили еще 22 молодых человека. Руководство ФНОС тщательно отбирало их среди самых решительных и испытанных в боях партизан во всех районах страны. Но больше всего удивляет их молодость. За исключением Пасторы, их средний возраст не превышает 20 лет. Трем вообще было по 18. Это лишний раз свидетельствует о поразительной способности Фронта к обновлению.

В первый раз все бойцы отряда встретились на надежной явке в Манагуа лишь за три дня до предусмотренного дня операции. За исключением руководителей, никто из них не знал друг друга и не имел ни малейшего представления о будущей операции. Они были предупреждены только о том, что это будет смелая и в высшей степени рискованная акция. Тем не менее все они согласились в ней участвовать.

Единственным, кто когда-либо бывал внутри Национального дворца, был руководитель операции, которого его мать, когда он был маленьким, брала с собой платить налоги. Дора Мария имела смутное представление о Голубом зале, где проходят заседания палаты депутатов, и то потому, что один раз видела его по телевидению. Остальные бойцы отряда не только не бывали во дворце, но и не видели его никогда в жизни, поскольку большинство из них не бывало в Манагуа. Но у руководителей операции был отличный план дворца, умело начерченный одним инженером — членом ФНОС. И уже за несколько недель до операции они наизусть знали все уголки здания, как будто прожили в нем большую часть жизни.

Для проведения операции было выбрано 22 августа, потому что именно в этот день должен был обсуждаться государственный бюджет; на таких заседаниях обычно присутствует наибольшее число депутатов. В 9 30 утра 22 августа, когда наблюдатели подтвердили, что заседание палаты депутатов состоится, партизаны были информированы обо всех деталях плана и на каждого была возложена определенная задача. Отряд разделился на шесть отделений по четыре человека в каждом. Эта система сложна, но весьма эффективна. У каждого был свой номер, по которому можно было узнать, в каком отделении состоит и какое положение занимает тот или иной боец.

Гениальность плана состояла в том, что партизаны должны были выдать себя за патруль пехотного училища национальной гвардии. Поэтому они оделись в форму цвета хаки, сшитую тайно в различных мастерских, и обулись в ботинки военного образца, заблаговременно купленные в разных магазинах. Каждому бойцу выдали по походному мешку с черно-красным платком ФНОС, по два носовых платка для перевязки ран, по карманному фонарику, противогазу и пластиковой фляге с питьевой водой, а также по пакетику с содой, нейтрализующей действие слезоточивого газа. Помимо этого, у бойцов было десять нейлоновых веревок по полтора метра длиной, чтобы связывать заложников, и три цепи с замками, чтобы закрыть изнутри двери здания. У них не было медицинских аптечек, так как им было известно, что в Голубом зале были припасены лекарства и предметы первой медицинской помощи. Наконец, им раздали оружие, которое ничем не отличалось от того, какое было у национальной гвардии, — оно было захвачено в боях. Партизаны получили пять автоматов, двадцать винтовок, один пистолет браунинг и 50 гранат. На каждого приходилось по 300 патронов.

Единственное, чему воспротивились было бойцы, это стрижке волос и бритью бород, с такой любовью отпущенных в партизанских лагерях. Тем не менее ни один солдат национальной гвардии не мог носить длинные волосы или бороду. Лишь офицерам разрешалось отпускать усы. Другого выхода не было, и бойцы сами стали парикмахерами из-за отсутствия надежного человека. Дора Мария, чтобы скрыть, что она женщина, обрезала свои прекрасные волосы и надела черный берет.

В 11 50 в Голубом зале с обычным опозданием палата депутатов начала свое заседание. В нее входили представители всего двух партий: либеральной националистической (официальная партия Сомосы) и традиционной консервативной, которая играла роль легальной оппозиции. От главного входа со стеклянными дверями направо видна скамья либеральной партии, налево — консервативной, а в глубине возвышение, на котором стоит длинный председательский стол. По бокам находятся балконы для сторонников партий и ложи для журналистов. Однако уже долгое время балкон сторонников консервативной партии был закрыт, в то время как постоянно полон был балкон либеральной партии, на котором собирались за определенную мзду ее «сторонники». В тот вторник народу было значительно больше, чем обычно; кроме того, на заседании присутствовало около двадцати журналистов. Всего было 67 депутатов, двое из них для ФНОС были на вес золота: Луис Палайс Дебайле, двоюродный брат Анастасио Сомосы, и Хосе Сомоса Абрего, сын генерала Хосе Сомосы, сводного брата диктатора.

Обсуждение бюджета началось в 12 30. Приблизительно в это же время два грузовика, окрашенные в защитный цвет, с кузовами, крытыми брезентом, остановились у бокового входа Национального дворца. Как и предполагалось, у каждой двери стоял вооруженный полицейский. Видимо, привычка к повседневной службе притупила их бдительность; во всяком случае, они не обратили внимания на чересчур яркий цвет грузовиков. Раздались быстрые военные команды, и из машин выскочили солдаты.

Первым был Эден Пастора, спрыгнувший с грузовика, подъехавшего к восточной двери здания. За ним следовало три отделения. Последним командовала Дора Мария. Едва коснувшись ногами земли, Эден Пастора сильным и властным голосом крикнул: «Дорогу! Шеф идет!»

Полицейский незамедлительно отстранился, а Пастора отобрал у него оружие и оставил рядом нести охрану двух своих бойцов. Затем вместе с остальными он поднялся по широкой лестнице на второй этаж, громко оповещая, что «идет шеф», как это делала национальная гвардия, когда приближался Сомоса. Так он добрался до места, где находились еще двое полицейских. Пастора разоружил одного, а Дора Мария — другого.

С ними остались еще два бойца. К этому времени люди, находившиеся в коридорах, уже услышав крики и увидев вооруженных солдат, попытались бежать. В Манагуа это стало у людей почти что рефлексом: при появлении Сомосы все разбегались кто куда.

На Эдена Пастору была возложе-

на особая задача: захватить Голубой зал и держать под наблюдением депутатов, так как было известно, что все либералы и многие консерваторы вооружены. Дора Мария должна была прикрывать его, стоя напротив, у большой стеклянной двери, откуда был виден главный вход в здание. Как и предусматривалось, по обе стороны стеклянной двери находились двое полицейских. Внизу у центрального входа стояли еще два вооруженных человека. Один из них в чине капитана национальной гвардии.

Эден Пастора и Дора Мария в сопровождении своих бойцов быстро прошли сквозь испуганную толпу к двери Голубого зала. К своему удивлению, они обнаружили, что один из полицейских вооружен винтовкой. «Шеф идет!» — снова крикнул Пастора и вырвал у него оружие. Дора Мария разоружила другого.

Первыми догадались об обмане телохранители и бросились по лестнице на улицу. В этот же момент охранники у главного входа открыли огонь по бойцам Доры Марии. Последние не заставили ждать себя с ответом. Капитан национальной гвардии был убит на месте, один из охранников ранен. На какое-то время главный вход остался незащищенным, и Дора поспешила приставить к нему нескольких бойцов.

Услышав первые выстрелы, как и предусматривалось, партизаны, оставшиеся у боковых входов, прогнали разоруженных полицейских, закрыли изнутри двери на цепи и поспешили на помощь своим товарищам, пробираясь сквозь толпу метавшихся в панике людей.

Между тем Дора Мария прошла мимо Голубого зала в дальний коридор, где расположен бар для депутатов. Толкнув дверь карабином, готовая в любой момент открыть огонь, она, к своему удивлению, увидела людей, распростертых лицом вниз на голубом ковре. Это были депутаты, которые, услышав первые выстрелы, бросились на пол. Их телохранители, приняв группу Доры Марии за национальных гвардейцев, сдались без сопротивления.

Тогда Эден Пастора распахнул дверь Голубого зала и оказался лицом к лицу с окаменевшими от страха депутатами. 62 человека в смятении смотрели на дверь. Некоторые из депутатов были однокашниками Эдена Пасторы по иезуитскому колледжу, поэтому он, чтобы не быть опознанным, дал очередь в потолок и крикнул: «Национальная гвардия! Всем лечь!»

Депутаты бросились на пол, за исключением Палайса Дебайле, который замер с телефонной трубкой в руках за председательским столом.

Позже депутаты признались в причине своего испуга: они решили, что национальная гвардия свергла Сомосу и солдаты прибыли, чтобы расстрелять их.

В восточном крыле здания Торрес Хименес услышал первые выстрелы, когда его бойцы уже обезвредили двух полицейских на втором этаже, а он сам направлялся в глубину коридора, где располагалось министерство внутренних дел. В отличие от отделений Эдена Пасторы бойцы Торреса Хименеса вошли в здание в боевом порядке и оставались на назначенных местах для выполнения возложенных задач. Бойцы третьего отделения под командованием «номера три» распахнули двери министерства внутренних дел в тот самый момент, когда в здании раздалась автоматная очередь Эдена Пасторы.

В приемной министерства партизаны столкнулись с капитаном и лейтенантом национальной гвардии и телохранителями министров, которые, услышав выстрелы, поспешили к выходу. Бойцы тут же обезоружили и связали их. Затем, распахнув двери в глубине коридора, они оказались в уютном и прохладном кабинете: за столом сидел худой человек, сразу же поднявший руки, хотя этого никто от него не требовал. Это был Хосе Антонио Моро, министр внутренних дел и, по назначению конгресса, преемник Сомосы. Он сдался, даже не зная кому, хотя и был вооружен пистолетом, а в карманах держал четыре заряженных обоймы.

Между тем Торрес Хименес, перепрыгивая через тела мужчин и женщин, распростертых на полу и кричавших от испуга, добрался до задней двери Голубого зала. Он распахнул ее и в крайнем удивлении остановился: он увидел Эдена Пастору, шедшего к председательскому столу и выкрикивавшего команды, и больше ни души. Торреса Хименеса пронзила мысль, что все пропало. То же самое произошло и с Дорой Марией, когда она вводила через стеклянные двери депутатов, сдавшихся в баре. Лишь затем они поняли, что зал показался им пустым, потому что депутаты лежали на полу.

В это время на улице раздались выстрелы. Пастора увидел патруль национальной гвардии под командой капитана, солдаты которого с главного входа обстреливали партизан, находившихся перед Голубым залом. Пастора бросил гранату, и перестрелка прекратилась. Глубокая тишина воцарилась в громадном здании, в котором по крайней мере две с половиной тысячи человек, лежа на полу, спрашивали себя, что их ждет.

Как и предполагалось, проведение всей операции заняло ровно три минуты.

Анастасио Сомоса Дебайле, четвертый из династии, угнетавшей Никарагуа более сорока лет, узнал о захвате дворца в тот самый момент, когда собирался завтракать в прохладном зале собственной крепости. Первой его реакцией был приказ открыть огонь по дворцу.

Приказ был выполнен, однако солдаты национальной гвардии не могли приблизиться к дворцу, поскольку партизаны, как и предусматривалось, встречали их плотным огнем из окон. Пятнадцать минут над дворцом летал военный вертолет, обстреливавший здание, в результате чего один партизан был ранен.

Прошло 50 минут после начала перестрелки, и Сомоса услышал первый телефонный звонок из Национального дворца. Его двоюродный брат Палайс Дебайле передал ему первое обращение Фронта: если войска не прекратят огонь, партизаны начнут расстреливать заложников — одного каждые два часа — до тех пор, пока власти не примут решения приступить к переговорам. Сомоса приказал прекратить огонь.

Спустя некоторое время Палайс Дебайле снова позвонил и сообщил Сомосе, что партизаны предлагают в качестве посредников в переговорах трех высокопоставленных деятелей католической церкви: Мигеля Обандо Браво, архиепископа города Манагуа, уже бывшего посредником во время известного нападения партизан на дом одного из приближенных Сомосы в 1974 году; Леовихильдо Лопеса Фиторию, епископа Гранады, и Мануэля Саласара-и-Эспиносу, епископа Леона, оказавшихся в Манагуа в связи со специальным совещанием церковных властей. Сомоса принял предложение. Затем опять же по настоянию партизан в группу посредников были включены послы Коста-Рики и Панамы. Со своей стороны, партизаны возложили ответственную задачу вести переговоры на рассудительную и упорную Дору Марию. Ее первое задание, выполненное в 2 часа 45 минут дня, заключалось в передаче епископам списка требований.

Переговоры начались в 2 часа 45 минут дня, продолжались всю ночь и завершились в среду к 6 часам вечера. За это время участники переговоров должны были пять раз побывать в Национальном дворце, из них один раз — в 3 часа ночи в среду 23 августа. В первые сутки соглашения фактически и не намечалось.

Требование о том, чтобы по радио были переданы военные сводки и длинное политическое коммюнике, за-

ранее подготовленное Фронтом, было неприемлемо для Сомосы. Другое же требование — об освобождении всех политических заключенных по списку, составленному партизанами, — было просто невыполнимо. Дело в том, что в этом списке значились имена двадцати арестованных, которых при всем желании освободить было невозможно, потому что они уже давно погибли в застенках Сомосы, став жертвами пыток и казней без суда и следствия. Правительство отказывалось признать эти факты. Но когда эти двадцать человек по завершении переговоров не были освобождены, Фронт воспринял это как публичное признание правительства в совершенном преступлении.

Сомоса в ответ на требования партизан отправил в Национальный дворец три письма без подписи, напечатанных на машинке и составленных в стиле, изобиловавшем хитроумными фразами и двусмысленностями. Он не делал контрпредложений, а старался избежать выполнения условий, поставленных партизанами.

Из первого послания видно, что он пытался выиграть время, убежденный в том, что двадцать пять юношей не будут в состоянии удержать под наблюдением длительное время более двух тысяч человек, измученных голодом, жаждой и бессонницей. Поэтому первый его ответ, данный в 9 часов вечера во вторник 22 августа, представлял собой послание, полное олимпийского спокойствия, в котором была выражена просьба предоставить ему на размышление 24 часа.

Во втором послании, полученном партизанами в 8 часов 30 минут утра в среду 23 августа, самонадеянность сменилась угрозами, однако Сомоса начал постепенно принимать условия партизан. Причина ясна: побывавшие в 3 часа ночи во дворце подтвердили, что Сомоса ошибался в своих расчетах. Партизаны по собственной инициативе выпустили из здания нескольких беременных женщин и детей и передали представителям Красного Креста раненых и убитых, а внутри здания царили порядок и спокойствие. На первом этаже, в кабинетах которого находились мелкие чиновники, многие спокойно спали в креслах и на письменных столах, а другие, как могли, коротали время. Заложники не только не выказывали никаких признаков враждебности к партизанам, но, наоборот, в некоторых кабинетах приготовили им кофе, а многие выражали свои симпатии и солидарность даже в письменной форме и предлагали в любом случае остаться во дворце в качестве добровольных заложников.

В Голубом зале, где содержались самые ценные заложники, посредники могли убедиться, что обстановка была так же спокойна, как и на первом этаже. Ни один из депутатов не сопротивлялся, их без труда разоружили, и постепенно среди них все сильнее стало замечаться недовольство Сомосой за отсрочку соглашения. Партизаны со своей стороны держались уверенно и вежливо, но в то же время очень решительно. Их реакция на второе двусмысленное послание Сомосы была весьма категоричной: если через четыре часа не будет окончательного ответа, они начнут казнь заложников.

В этот момент Сомоса, должно быть, понял всю ошибочность своих расчетов. Он испугался народного восстания, признаки которого начали проявляться в различных районах страны. В 13 часов 30 минут в среду, 23 августа, он согласился удовлетворить самое неприятное для себя требование: передать политический документ Фронта по всем радиостанциям страны. В 6 часов вечера после двух с половиной часов передачи чтение было закончено.

И хотя до сих пор еще не было достигнуто какого-либо соглашения, уже в полдень в среду стало ясно, что Сомоса готов капитулировать. И действительно, именно в это время политические заключенные, содержавшиеся в тюрьмах Манагуа, получили приказ приготовиться к отъезду. Большинство из них уже знали от самих же охранников о происходящих событиях, и в различных тюрьмах заключенные выражали, разумеется тайно, свое одобрение действиям партизан. Еще задолго до того, как появились какие-либо признаки соглашения, из внутренних районов страны в столицу начали перевозить политических заключенных.

В это же время служба безопасности Панамы сообщила генералу Омару Торрихосу о том, что один из представителей никарагуанских властей хотел бы знать, готов ли глава правительства Панамы направить самолет за партизанами и освобожденными политзаключенными. Торрихос ответил утвердительно. Несколько минут спустя ему позвонил президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес, бывший в курсе переговоров и заметно озабоченный судьбой партизан, он хотел бы согласовать со своим панамским коллегой эту операцию. В тот же вечер правительство Панамы арендовало у компании «КОПА» транспортный самолет «Электра», а Венесуэла направила транспортный самолет «Геркулес». Оба самолета стояли наготове в аэропорту Панамы, чтобы по завершении переговоров тут же вылететь в Манагуа.

Фактически переговоры закончились в четыре часа дня в среду, и в последний момент Сомоса попытался навязать партизанам свои условия, по которым они должны были покинуть страну в течение трех часов. Однако по совершенно очевидным причинам партизаны отказались их выполнить и покинуть страну ночью. Выкуп в 10 миллионов долларов, потребованный сначала, был уменьшен до 250 000 долларов. Но руководство Фронта решило не продлевать дискуссий, во-первых, потому, что денежная сумма была в любом случае второстепенным условием, а во-вторых, потому, что партизаны начали проявлять опасные признаки усталости после почти 48-часового бодрствования и громадного нервного напряжения. Первые признаки усталости заметил в себе самом Эден Пастора, когда понял, что не может вспомнить, в какой части города находится Национальный дворец. Спустя некоторое время Торрес Хименес признался командиру, что испытал галлюцинацию: ему слышалось, что по площади Республики шли железнодорожные составы. И, наконец, Пастора заметил, что Дора Мария начала засыпать на ходу и едва не выпустила из рук карабин. Тогда он понял, что необходимо как можно скорее покончить с этим трудным делом.

В четверг 24 августа в 9 часов 30 минут утра 25 партизан, пять посредников и четыре заложника покинули Национальный дворец и направились в аэропорт. Заложниками выбрали самых главных деятелей: Луиса Палайса Дебайле, Хосе Сомосу, Хосе Антонио Мора и депутата Эдуардо Чаморро. К этому времени 52 политических заключенных, доставленных из всех районов страны, уже находились на борту двух самолетов, прибывших из Панамы, где несколько часов спустя все они попросили политическое убежище. Разумеется, не хватало двадцати человек, которых уже не суждено было спасти.

В качестве последних условий партизаны потребовали, чтобы на пути в аэропорт не было ни военных, ни дорожного движения. Тем не менее ни одно из этих условий выполнено не было, потому что правительство бросило солдат национальной гвардии на улицы, чтобы не допустить каких-либо проявлений симпатий к партизанам со стороны народа. Тщетная попытка. На протяжении всего пути этот школьный автобус сопровождали рукоплескания. Люди выбегали на улицу, празднуя победу. За автобусом следовал длинный кортеж автомобилей и мотоциклов, с каждой минутой становившийся все длиннее. Кортеж проследовал за партизанами до самого аэропорта. Депутат Эдуардо Чаморро был удивлен этим взрывом народного ликования. Торрес Хименес, стоявший рядом с ним, с улыбкой сказал: «Видите, это единственное, чего нельзя купить за деньги».

„Настоящим удостоверяется, что Хорхе Аугусто Эрнандес Сото, чилиец, женатый, совершеннолетний, делает под присягой и в присутствии нотариуса следующее заявление:

Я был арестован и продолжаю находиться под следствием по делу № 23876-6 за мошенничество. Имею несколько судимостей за торговлю наркотиками.

В 1974 году мне пригрозили в полиции, что собранных против меня улик достаточно, чтобы засадить меня в тюрьму. Если я хочу остаться на свободе, сказали мне, я должен буду делать то, что прикажет Фернандо Крусат Агирре из «Бригады по внедрению». Эта организация, отросток разведслужбы ДИНА[1], занималась сбором информации. Крусат передал меня майору политической полиции Карлосу Лабарке, который в свое время был судим по делу Шнейдера[2] и получил два года. Лабарка предложил мне стать осведомителем, пообещав, что за это уничтожит досье, заведенное на меня, и меня не отправят в Писагуа[3]. Я принял предложение.

Лабарка дал мне код для передачи донесений и первое задание. От меня требовалось узнать, где живет Марио Ларенас Бенавидес, подозреваемый в том, что он активист МИРа[4]. Я сразу ответил, что знаю адрес этого человека, поскольку он живет в той же коммуне, что и я. Меня провезли по улице Гильермо Манн, и я из машины показал дом, в котором жил Ларенас.

Через неделю я узнал от Карлоса Лабарки, что Ларенаса арестовали, подвергли «обработке», то есть избиению, но затем выпустили на свободу с условием, что он будет сотрудничать с политической полицией.

В марте 1974 года меня представили Карлосу Коломбо, генеральному директору текстильного предприятия «Тольяс Рекс», который заодно работал на «Отдел по внедрению информаторов на предприятия». Коломбо вручил мне список двадцати рабочих, подозреваемых в том, что они активисты Народного единства. Я должен был поступить на Южноамериканскую текстильную фабрику, чтобы вести за ними слежку. Кроме того, мне надлежало разузнать все о каких-то чемоданах, в которых 11 сентября 1973 года[5] было вынесено с предприятия оружие. Мне удалось выяснить, кто это сделал, и я донес на этих людей.

Однажды в пятницу (к тому времени я проработал на предприятии около месяца) я обратил внимание на автомобиль, стоявший за оградой. В нем сидели служащий с фабрики и еще три или четыре человека, которые пристально меня разглядывали. Этих людей я никогда не встречал на предприятии. Я догадался, что они замышляют, и поскорее ушел. Своими опасениями я поделился с Лабаркой.

[1] *Диресьон де интелихенсиа насьональ (Управление национальной разведки) — сыскная служба, созданная Пиночетом в 1974 году. Формально распущена в августе 1977 года, но продолжает действовать под новой вывеской: Национальная служба информации (СНИ). — Здесь и далее примечания редакции.*

[2] *Генерал Шнейдер был командующим чилийской армией. Лояльно относясь к конституции страны, стоял за передачу власти законно избранному президенту Сальвадору Альенде. Убит в октябре 1970 года правыми террористами, попытавшимися таким образом помешать вступлению Альенде в должность.*

[3] *Концентрационный лагерь в пустыне на севере Чили.*

[4] *Левое революционное движение — молодежная организация левоэкстремистского толка.*

[5] *То есть в день военного путча.*

1973 год. Национальный стадион в Сантьяго стал тюрьмой для тысяч чилийских патриотов

В понедельник Лабарка побывал на фабрике в сопровождении сотрудников политической полиции. Они арестовали шестерых рабочих и того служащего, которого я видел в автомобиле. После этого я больше на фабрике не появлялся.

Вскоре я узнал от Лабарки, что меня «засветил» Марио Ларенас. И еще Лабарка сказал, что того служащего в автомобиле я больше никогда не увижу. При этом он изобразил пальцами крест. В те же дни родные Марио Ларенаса сказали мне, что им все про меня известно. Один полицейский шепнул им, что Ларенаса провалил я.

Ларенас, как оказалось, не выполнил своего обещания о сотрудничестве. Он скрылся, так и не войдя в контакт с политической полицией. Мне было приказано найти его и во что бы то ни стало убрать. Меня особо предупредили, что с трупа я обязан снять отпечатки пальцев (с помощью клейкой ленты «скотч»). Для ликвидации Ларенаса мне вручили револьвер... Но все вышло по-другому.

Через некоторое время, в субботу, я обнаружил, где скрывается Марио Ларенас. Я уведомил об этом по телефону Коломбо, и тот вскоре приехал в названное мной место в районе Вилья Олимпика. Мы арестовали Ларенаса и втолкнули в машину.

Ларенас был доставлен в ближайший комиссариат, а спустя несколько дней Карлос Лабарка сказал мне, чтобы я не беспокоился больше насчет Ларенаса и что я его никогда не увижу. Я решил, что его ликвидировали, но позднее узнал, что он помещен в лагерь «Трес Аламос», где предупредил

Вести из Чили говорят о том, что демократические силы перешли к более активным действиям против фашистской диктатуры. Участились массовые выступления трудящихся, марши протеста, забастовки. Теряя опору за опорой как в торгово-промышленных кругах, так и внутри самой армии (целый ряд генералов считает, что пора возвратиться в казармы), клика Пиночета испытывает растущую неуверенность. Эрозия режима ускоряется дезертирством палачей, которые пытаются замолить грехи с помощью теперь уже предательства своих же хозяев.

Не так давно программа Московского радио «Слушай, Чили!» передала в эфир документ человеческого падения — саморазоблачение платного провокатора, узнавшего, что секретная служба собирается покончить с ним. Воспроизводим эту передачу в несколько сокращенном виде.

С ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ...

1977 год. Фотографии чилийцев, «пропавших без вести» в застенках Пиночета

заключенных, что я доносчик, провокатор и работаю на службу безопасности

В мае 1974 года служба безопасности засекла явку МИРа, где выдавались поддельные документы Я должен был пойти в Дом актеров на улицу Уньон Сентраль, обратиться там к заведующему, человеку лет сорока пяти, и сказать ему, что я «от Негро Вильеграса», член МИРа, бежал, участвовал в стычке с военными и нуждаюсь в документах для выезда из страны.

Я сделал, что от меня требовалось: поговорил с этим человеком; там был еще молодой человек, лет двадцати восьми, секретарь; я изложил им свою легенду. Мы сошлись на том, что за 40 тысяч эскудо мне раздобудут нужные документы

Нужную мне сумму вручили мои шефы вместе с приказом прибыть в Дом актеров и получить документы. За мной следовали сотрудники «Бригады по внедрению». Они оцепили здание

На следующий день я узнал из «Ультимас нотисиас» и других газет, что в результате этой операции было арестовано еще несколько человек, так как в Доме актеров оставалась засада»

В августе Эрнандес Сото попался на уголовном преступлении и был засажен в исправительную тюрьму Сантьяго. Он и там выполнял различные поручения по линии ДИНА. В частности, ему поручалась слежка за теми заключенными, которые хлопотали о выезде за границу. Амплуа провокатора, однако, все больше тяготило уголовника, чувствовавшего, что он стал пешкой в смертельно опасной игре. И когда случай свел его в ноябре 1977 года с неким Хуаном Бульнесом, сидевшим за соучастие в убийстве Шнейдера [1], Сото ухватился за представившийся шанс. Дело в том, что его новый знакомый происходил из очень влиятельной семьи. Через своего дядю, видного адвоката, Бульнес вызволил незадачливого рецидивиста-агента из тюрьмы в марте 1978 года. Эрнандес Сото был устроен на работу по протекции того же семейства и, видимо, надеялся, что охранка оставит его в покое. Но уже 30 мая положение его снова осложнилось. Он получил письмо от Карлоса Лабарки, который предупреждал его, что те, кто сотрудничал с ДИНА в качестве осведомителей, подлежат уничтожению, потому что слишком много знают, и Эрнандесу Сото лучше исчезнуть, не дожидаясь «несчастного случая»

Тогда-то Сото и решил на всякий случай составить этот документ. Свои мотивы он объясняет так

«Учитывая вышесказанное и опасаясь, что угрозы расправиться со мной и моей семьей будут приведены в исполнение, я решил сделать это заявление под присягой, чтобы таким образом заранее дать доказательства преднамеренного покушения если оно произойдет, и указать на его организаторов. Это заявление будет находиться у доверенных лиц, которые имеют указания по ведению тех хлопот, какие они сочтут нужными для защиты моей семьи и меня. Подчеркиваю, что данное заявление я сделал добровольно, без какого-либо нажима и не хочу в дальнейшем сотрудничать с секретной службой»

Перевела с испанского В. ЮШИНА

[1] *В апреле 1978 года Бульнес был освобожден в ходе широко разрекламированной Пиночетом «амнистии политзаключенных»*

Картина беспризорничества, обрисованная в этом очерке, типична для всех крупных капиталистических городов Латинской Америки. Корни проблемы детской преступности — в бедственном положении юных латиноамериканцев из трудовых семей. Статистика свидетельствует: ежедневно на континенте умирает от недоедания и отсутствия медицинской помощи миллион детей, не достигших пятилетнего возраста; 14 миллионов детей не получают даже начального образования. Попытки энтузиастов-одиночек вызволить детей из мира жестокости и безнравственности (об одном таком начинании рассказывается в очерке) могут создавать лишь островки утопии, но не в состоянии решить проблему в целом.

МАЛЕНЬКИЕ КОРОЛИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Геро БУСС,
западногерманский журналист

Его настоящее имя — Оскар, но все называют его Кучиллито. В свои тринадцать лет он уже атаман шайки. Ростом Кучиллито мне по пояс.

Когда мы увидели его впервые, он шел по людной улице в сопровождении малышни — толстяка Сесара по прозвищу Поросенок и Хорхе-Окурка. Оба путались в лохмотьях с чужого, слишком взрослого плеча. И вид их был так жалостен, что вызывал слезу (И не зря. Они, как мы узнали позже, виртуозы попрошайничества в этой шайке.)

...Поросенок и Окурок сидели на обочине тротуара в самом оживленном месте Боготы, на центральном бульваре. Время перевалило за полдень. По улице плотным стадом в шесть рядов бежали автомобили. Тротуар едва вмещал бесконечную реку прохожих, обтекавшую овощные палатки, газетные киоски, ящики, нагроможденные уличными торговцами. Пахло растительным маслом, выхлопными газами и потом.

Приятели сидели со скучающим видом. Время от времени они дергали за штанину какого-нибудь прохожего. Их мордашки при этом задирались вверх, и взгляд молил о подаянии. Иногда сверху падала монета или две... На другой стороне улицы нес вахту Карлос, четвертый в команде. Друзья прозвали его Моно — Мартышка. Он самый расторопный в шайке. Кучиллито, привалившись к фонарному столбу в двух метрах от малышей, потягивал пиво из жестянки и зорко следил за всем, что было достойно его внимания на этом перекрестке.

Вот к малолетним оборванцам подошли две гринги[1], туристки из Северной Америки. Остановились. В их глазах читались сострадание и умиление. «Как милы эти бед-

---

[1] *Гринга (для женщин), гринго (для мужчин) — распространенное в Латинской Америке прозвище для белых североамериканцев и европейцев. — Здесь и далее примечания переводчика*

ные крошки. Не правда ли?» — воскликнула одна. Другая уже торопливо прицеливалась «кодакоминстаматик»[1]. Поросенок и Окрок таращились на них с надеждой.

Одна из дам только начала снимать сумочку с плеча, а Кучиллито уже был тут как тут. Его рука метнулась к сумочке с быстротой кобры, рванула ее, и через секунду он уже вытворял головоломный слалом на проезжей части. Еще не добежав до противоположного тротуара, он швырнул добычу шустрому Моно. Тот метнулся в одну сторону, Кучиллито — в другую, и оба растворились в толпе пешеходов. Гринги подняли крик. Сбежалась толпа любопытных. Ясноглазые попрошайки, забытые пострадавшими, посидели еще, наслаждаясь зрелищем, и, только завидев полицейского, потихоньку удалились...

[1] *Фотокамера, делающая моментальные снимки*

Маленькие мафиози чувствуют себя королями Боготы. Гамины, как колумбийцы называют гангстеров-подростков, прочно вписались в портрет ее улиц. Их никто не считал, но предполагают, что в городе их не менее пяти-десяти тысяч. В шайках по пятнадцать-двадцать гаминов. Каждый новый Аль-Капоне[1] действует в пределах своей вотчины и располагает собственной армией. Если одна шайка вторгается во владения другой, между ними вспыхивает война.

Каждый гамин выполняет определенные обязанности и занимает четкое место в неписаной табели о рангах. Те, кому пять-семь лет, занимаются нищенством. Позднее они обучаются воровать колпаки с колес автомобилей и стеклоочистители. Достигшим зрелости считается тот, кто может ограбить прохожего среди бела дня. Такого называют «муи авьон» — «классный летчик»

Следующую ступеньку занимают «поножовщики». Над ними возвышаются только шеф («перро» — «пес») и его секретарь. Эти двое, как правило, достаточно взрослые, уголовно наказуемые и потому держатся в тени. Они обучают подчиненных, отдают приказы и реализуют награбленное

То, что Кучиллито занимает пост «перро» в тринадцать лет, — редкое исключение. Зато его биография похожа на тысячи других. Его родина — трущобный пояс Боготы, в котором прозябает более половины пятимиллионного населения столицы. У него восемь сестер и братьев. Отца он не знает. Тот исчез, когда Кучиллито был еще грудным младенцем и звался Оскаром. Мать привела в дом нового мужчину, потом другого, третьего... Никто из них надолго не задерживался. Обычная для трущоб судьба — проституция, побои, насилие. И полная мера страданий детям

Двое ребят из шайки Оскара помечены следами зверского обращения. Один из них — Чике (Игрушка) совсем еще малыш. Он попался, когда тащил еду со сковородки. Мать прижала его руку к раскаленной плите. Тело другого, двенадцатилетнего Федерико, исполосовано страшными рубцами. Отчим имел обыкновение под пьяную руку избивать его железным прутом

Когда Оскару исполнилось три года, мать стала посылать его на заработки. Вместе со старшей сестрой он смешил пассажиров в автобусах «соленой» народной песенкой «Толстушка Мария». Если к концу дня певцы приносили домой меньше тридцати песо, их ждала трепка. В пять лет Оскар сбежал из дому. Приятель постарше привел его в шайку

Он сделал «карьеру» благодаря природной сметливости. Придумал, например, предлагать ворованные стеклоочистители водите-

[1] *Известный чикагский гангстер, действовавший в тридцатые годы*

лям, когда те ожидают зеленого света на перекрестке. До вершины власти в шайке он добрался, когда собственноручно прикончил ножом «перро», за что и получил кличку Кучиллито, то есть Ножичек.

В жизни гаминов детское озорство соседствует с грубым насилием, веселое купание нагишом в городских фонтанах — с бандитизмом в темных дворах. Они могут плакать, как все дети мира, и наносить удары, как профессиональные убийцы. И однако, при всей своей жестокости жизнь в галладе (шайке) для большинства гаминов рай по сравнению с тем, что они вытерпели дома. Галлада заменяет им семью и отцовский авторитет, давая чувство защищенности и общности. Да и питаются они лучше, чем дома. В обеденный час беспризорники исчезают с улиц и занимают посты у задних дверей столовых и ресторанов в ожидании объедков. Кто не наелся, идет потом зарабатывать бесплатный обед в церковь или благотворительное общество. Этот обед труден тем, что ради него приходится молиться, петь хором или выслушивать проповеди о морали

В Боготе, расположенной на высоте 2640 метров над уровнем моря между двумя горными цепями, преобладает мягкий, словно вечная весна, климат. Но случаются и похолодания. Тогда гамины, как перелетные птицы, устремляются в теплые края. Товарными поездами добираются до субтропических равнин и лесов или Карибского побережья. Эти юные бродяги знают свою страну лучше, чем взрослые.

Они не расстаются друг с другом и ночью. У каждой шайки своя камада — ночлежка. Это может быть городская свалка или канализационный колодец, пустующий дом или подъезд учреждения в самом центре Боготы. И спят они среди картонных ящиков и мусора. Перед сном идет по кругу окурок марихуаны или бутылка дешевого рома.

Эти дети умеют все и способны на все. Одного за ними не водится — бессердечности. Они придумали себе кодекс чести и строго следят за его соблюдением. Друзей, например, не грабят, их берут под защиту. А друг — это тот, кто отнесется к ним душевно. В маленьких людях с лицами взрослых живет тайная и неутолимая жажда человеческой любви и ласки. Дружеское слово лучше, чем сигарета, уважительный шлепок по плечу дороже доллара. Похвали их за что-то — и вместо малолетних преступников перед тобой обычные дети.

Мы с фотографом «Штерна» Перри Кретцем сплошь и рядом убеждались в этом за время недельного блуждания по Боготе. Разбойники из «нашей» шайки, которых мы постоянно навещали, когда рассеялась их первоначальная подозрительность, едва увидев нас, стали кидаться навстречу с радостным воплем: «Олá, гринго!» Один тянул руку, чтобы поздороваться, другой просил Кретца дать ему посмотреть через объектив камеры, третий вроде бы нечаянно подставлял голову, чтобы я погладил ее. И все наперебой демонстрировали свой «класс».

Обчистить нам карманы было самым пустяковым делом. Но оказалось, что надо было держать ухо востро и тогда, когда они вдруг принялись целовать нам руки. Мы вмиг остались без обручальных колец и часов. Это было в шутку, разумеется. Нам тут же все торжественно вернули. Мастерский трюк выполнил один двенадцатилетний пацан. «А где твои очки, гринго?» — ухмыльнулся он. Я полез во внутренний карман пиджака, а мальчишка уже нацепил их себе на нос

Предупреждение об опасности — «Олá, гринго!» — раздавалось, куда бы мы ни забрели. «Наши» присматривали, чтобы нас не обобрали чужие. Больше всего они опекали Перри Кретца, на шее которого болтались три дорогие камеры: за ним постоянно, как шакалы, поджидающие удобного случая, шпионили воры повзрослее. Наши маленькие друзья предупреждали: «Осторожно! Вон те двое собираются вас побрить». Однажды малыши, охранявшие нас, сходили к своим старшим коллегам и велели им: «Оставьте этих двух гринго в покое. Они наши друзья». И нас оставили в покое...

Детской преступности в Боготе, «гаминизму», посвящено немало исследований. Вывод всегда однозначен: мир этих детей — зеркало взрослого общества. Значительная часть 26-миллионного населения Колумбии живет на грани голода. Пояса нищеты вокруг больших городов, инкубаторы «гаминизма», разрастаются год от года.

Сначала полиция вылавливала гаминов. Но детские тюрьмы и приюты быстро заполнились до предела. И тогда полицейские стали ограничиваться тем, что, отлупив гамина в участке, вышвыривали его обратно на улицу. Сегодня они вообще закрывают глаза на проблему «гаминизма». А есть и такие, кто подрабатывает на маленьких гангстерах, вымогая у них взятки, когда удается схватить их на месте преступления.

Ну как перевоспитать эту армию голодранцев, как вернуть их в общество? У государственных учреждений перед такой задачей опускаются руки.

Но нашелся человек, который взялся за это дело. Пастор Хавьер разработал план переманивания малолетних бродяг с улиц к упорядоченной жизни и учебе в созданной им на собственные сбережения «Республики де ниньо» — «Детской республике». Наплыв желающих колоссальный Иной просится раз по десять, прежде чем бывает принят в «республику», разместившуюся на окраине Боготы.

Для начала кандидат проходит обучение чистоплотности, честности, пунктуальности и прилежанию. Большинство воспитателей сами в прошлом гамины. Они не раздают приказов, а лишь рекомендуют и советуют. Новичок сам решает, созрел он или нет для очередного шага на пути к полному гражданству в «республике». В любой момент он волен выйти из игры. Бывает, кого-то выдворяют обратно на улицу, чтобы он еще раз сравнил, подумал и решил, какая жизнь ему нравится больше.

«Республика» живет по принципу самоуправления. Ее граждане избирают бургомистра, секретаря, парламент и суд, уполномоченный исключать из сообщества за особо тяжкие проступки. «Республика» имеет собственные предприятия, кафетерий, библиотеку, банк и даже валюту — флорины. Оплате подлежат все виды работ — от уборки помещения до труда в мастерских. Каждый «гражданин» отчисляет твердую сумму на проживание и питание. Десять процентов зарплаты можно ежемесячно обменивать на колумбийские песо В тридцати двух домах республики живут сейчас триста пятьдесят детей и подростков. Сообщество располагает начальной школой и гимназией, залом для собраний, кинозалом и театром, оркестром и тридцатью гектарами земли, на которой выращиваются овощи. Строятся еще несколько мастерских, в которых будут производиться простейшие детали машин. И все это действует без вмешательства взрослых.

«Здесь растут люди честные и энергичные, — говорит отец Хавьер. — От них будет толк».

Перевел с немецкого Б. СЕНЬКИН

Австралия: поэзия, проза, скульптура

В этом номере «Ровесника» мы представляем искусство и литературу Австралии. Литература страны начала приобретать отчетливые национальные черты в 80-х годах д[illegible]вятнадцатого столетия. В к[illegible]ный период писатели и поэты [illegible]стралии писали в чисто английском духе, считая себя продолжателями традиций, сложившихся в литературе метрополии того времени

В конце прошлого века формируется сугубо национальная поэтическая школа балладистов В нашей подборке мы публикуем одну из классических баллад В антологиях австралийской поэзии она называется «Анонимной», поскольку автор баллады неизвестен. Стихотворением «Рождество у обитателей буша», написанным в стиле народной пе[illegible] мы представлнем старш[illegible] современных австралийских поэтов Эдвард Тейт, автор стихотворения «Эти странные бедняки», — из молодых поэтов континента Рассказ «Воскресный день» Линдол Хэдоу — одно из произведений критического реализма, наиболее сильного направления в австралийской литературе

В начале подборки вы видите работы скульптора Вильяма Рикетс[illegible] Рикетс — музыкант по образованию В 1935 году он пришел на лесистые склоны горы Данденонг неподалеку от Мельбурна и начал создавать из глины скульптуры, выражающие его непоколебимую веру в единство всего живого Новое увлечение оказ[illegible]лось столь сильным, что он «изменил» своему первому призванию и посвятил жизнь скульптуре Рикетс черпает вдохновение в легендах аборигенов. Кстати, он один из немногих белых художников, которые в своем творчестве обращаются к древней культуре коренного населения страны. В 1961 году на склонах горы Данденонг был создан заповедник, который носит имя Рикетса

БАЛЛАДА

У медведя, у фламинго,
И у злой собаки динго,
Муравьеда, у которого броня,
И у крохотной пичуги —
Есть у всех у них подруги,
Есть у всех подруги, нет лишь у меня!

У лемура, у орлана,
Пучеглазой игуаны,
У ленивца, провисевшего полдня,
Кенгуру и утконоса,
Комаришки-кровососа —
Есть у всех подружки, нет лишь у меня!

РОЖДЕСТВО У ОБИТАТЕЛЕЙ БУША

Дэвид МАРТИН

Пудинг съевши весь до крошки,
Дядя Джеймс дал храпака.
Тетя Фло, не вымыв ложки,
Пялится на облака.

Старый Джек в обнимку с фляжкой
Видит, словно наяву,
Как их свиньи жрут фисташки
В недостроенном хлеву.

Братец Вэл и братец Гарри,
Братец Мэй и братец Фред
Час решают с братцем Ларри,
Не сыграть ли им в крикет.

Всех овечек разморило,
Спит в тенечке старый пес,
Полусонная кобыла
Полусонно ест овес.

Духота. Роятся мошки.
Дядя Джеймс мычит во сне:
«Ты бы, Фло, помыла ложки,
Чай, пора обедать мне?»

ЭТИ СТРАННЫЕ БЕДНЯКИ

Эдвард ТЕЙТ

Эти странные бедняки
поди пойми их!

Набрасываются на еду, удивляются,
стоит нам заглянуть в их трущобы.

Нет, чтобы организовать
струнный квартет

или в лохмотьях своих
прошвырнуться по магазинам.

В лучшем случае они улыбаются,
и тогда нам перепадает от этих щедрот.

В худшем — они нам позируют,
чтобы мы расплатились наброском.

Перевел с английского Сергей ТАСК

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Линдол ХЭДОУ

Он сидел на старенькой раскладушке у двери, ведущей в насквозь прокопченную, но прибранную кухню. В кухне возилась мать, поминутно пробуя рукой воду в оцинкованном тазу, приготовленную для мытья головы. В очередной раз потрогав взбившуюся по краям мыльную пену, она вышла из кухни и громко позвала

— Сэлли, Лэлли! — потом тяжелой, усталой походкой вернулась к плите, но через минуту снова показалась на пороге со старым жестяным чайником в руках

— Пойди приведи девочек, сынок, — попросила она юношу, — уже поздно, волосы ко сну не высохнут.

Всю жизнь, каждое воскресенье он слышал эти слова. Поэтому даже не подумал выполнять поручение Лишь сел на пол — серую, годами утрамбованную землю и вперил тоскливый взгляд в стену. Мать сокрушенно вздохнула и, в тысячный раз пробормотав что-то о сыновних обязанностях, снова крикнула

— Сэлли, Лэлли!

Рыжеватая головка показалась из-за угла хижины, спаянной из рифленого железа

— Кого тебе, мама? Ты нас звала?

— О господи! А то вы не слышали! Сейчас же идите обе, пока вода не остыла. Живо.

Девочкам было по 10 лет. Двое детей, родившихся позже, умерли еще в колыбели, и поэтому девочкам жилось беззаботнее, чем брату. Ведь они были младшими

Собственно говоря, брат и занимался воспитанием сестер-близнецов. Мать ухаживала за огородом, кормила цыплят, готовила, шила, стирала и убирала в доме. А брат берег девочек от солнца, дождя, от колодца, который забыли прикрыть листом железа, от змей и ядовитых растений и даже от хищных птиц. Он делал для них кукол из лоскутков, скакалки из обрывков веревок, собирал бабки для игры, строил шалаши. Когда семья выбиралась на маленькой открытой тележке в город (а это случалось 3—4 раза в год), он обычно брал одну из сестренок на руки. А в городе неутомимо таскал их за собой к бакалейщику, зеленщику, лавочнику, у которого они обычно покупали ткани, в парк напротив железнодорожной станции, где пышные олеандры и эвкалипты роняли засохшие листья на выжженную солнцем бурую траву

Едва девочки подросли настолько, что могли сидеть за столом, все трое стали учиться заочно, тогда еще поблизости от фермы не было школы [1]. Это было очень интересно, и между ними началось соревнование, в котором брат, как ему казалось, значительно опережал сестер. А когда в двух милях от фермы построили школу, он стал пять раз в неделю провожать туда младших и приводить их домой

Год назад юноша окончил школу. Теперь девочки бегали туда одни. А он как взрослый работал вместе с отцом на ферме. Вся семья знала, что скоро у мамы будет еще один ребенок, но девочки

---

[1] С 1914 года в Австралии для детей белых поселенцев, не имеющих возможности ходить в школу, было организовано заочное обучение сначала путем переписки учителей и учеников, а затем с помощью радио и телевидения. — Примеч. пер

никогда не обсуждали это с братом, только тихонько шептались между собой, отчего он ужасно злился.

— Сэлли, Лэлли, — кричала мать, — немедленно идите сюда, если не хотите, чтобы я пожаловалась отцу!

Девочки и не подумали послушаться. Мать устало опустилась на скамейку и бессильно откинулась назад. Ее мыльная рука упала на фартук, инстинктивно прикрывая живот. Юноша вскочил и бросился ловить разбежавшихся сестер. Это тоже была игра, и они скоро позволили ему схватить себя за руки. Но на этот раз брат повел себя неожиданно: сгреб их за худенькие плечи и грубо потащил в дом. Девочки запищали.

— Перестань! — взвизгнула Сэлли. — Мама, он вывернул мне руку! Ой! — Она больно ударила брата по ноге, он выпустил ее и сильно шлепнул. Лэлли, удивленная неожиданной злостью, притихла и позволила беспрепятственно окунуть голову в таз.

Мытье окончено, и девочки, усевшись на куче дров, сушат свои длинные рыжие локоны. Мать выплескивает воду из таза на жалкие картофельные грядки перед дверью, и изможденная солнцем земля жадно впитывает мыльную влагу; горячий воздух переливается над уходящей за горизонт голой равниной, поскрипывает старое колесо тележки, на веревке болтается пересохшая марля, а на проволочной ограде сидит одуревшая от жары ворона. Воскресный день...

— Проклятые мухи, — сказала мать. Она вошла в кухню вслед за сыном и взмахнула полотенцем над остывающими на столе ячменными лепешками. — Я, пожалуй, накрою на стол сейчас, чтобы немножко отдохнуть перед чаем...

Юноша не ответил. Он деловито натягивал шерстяную кофту поверх полосатой рубахи.

— Что ты делаешь? — обеспокоенно спросила мать. — В такой-то день. Да ты сваришься!

Он наконец просунул руки в рукава истрепанной отцовской кофты и сказал:

— Можешь отдать мою сберкнижку?

Мать вздрогнула и прижалась спиной к прокопченной стене. Вот и настал этот день. Ее первенец покидал их жалкое гнездо.

— Ты уходишь? — спросила она на всякий случай.

— Я вынужден, мама. Я не могу больше оставаться. — Его голос дрогнул. — Ты понимаешь, это место... здесь же ничего нет! Я... я хочу граммофон, велосипед... — И отвел глаза.

— Ведь ты знаешь, что мы не можем их купить. Сынок, я всегда старалась сделать для тебя все! Ну не уходи! .

Она тихонько заплакала. Юноша резко отвернулся.

— Но ведь у тебя же есть девочки! — крикнул он, пытаясь подавить дрожь в голосе. — И, кроме того, мама, я буду писать! Обещаю тебе. И скоро я пришлю немного денег, когда найду работу!

— Сынок, твой отец не виноват в том, что мы так бедны. Ты знаешь, он не хотел быть фермером. Это из-за пыли он не смог работать в шахте, и хозяева выселили нас сюда... Мы не хотели оставаться здесь так долго... А когда узнали, что тут сухо и жарко, как в пустыне...

Она причитала монотонно и горестно, но, едва юноша встал и пошел к двери, испуганно вскрикнула:

— Сынок! Не уходи так! Давай поговорим с отцом, может быть, мы сможем перебраться в город! Ну давай поговорим с ним. Сегодня же, клянусь тебе!

— Мне надо уйти, мама, — сказал сын, с трудом заставив себя посмотреть ей в глаза.

— Ты говоришь, что хочешь велосипед. А как же отцов, черный? Возьми его себе.

— Эту рухлядь? Да еще чужую? Нет, мама. Мне нужна настоящая работа, я должен увидеть людей, узнать жизнь...

— Ты же помогаешь отцу на ферме. Ты ему очень нужен.

— На этой жалкой ферме не хватает работы для двоих. Мне надо уйти.

Мать сдалась.

— Как же ты будешь жить?

— Не беспокойся, у меня хватит денег, пока я не найду работу. Дай мою книжку.

Мать выдвинула ящик старого буфета и извлекла книжку из-под груды счетов и писем. Это было все его богатство. Вдобавок к тому, что мальчик мог сэкономить на школьных завтраках, каждый понедельник ему давали пенни. Всю прибыль он аккуратно подсчитывал и заносил в тетрадь, а деньги отсылал на сберкнижку. И вот теперь он забирает свои жалкие сбережения и уходит из дому. Мать заставила себя улыбнуться и поцеловала сына.

— Тебе нужно одеяло...

— Не волнуйся, мама, — ответил он.

— Возьми хотя бы это. — Мать подошла к раскладушке и сняла с нее одеяло, сшитое из распоротых мешков.

— Спасибо, но оно слишком тяжелое.

Тогда мать подошла к кровати, на которой спали близнецы, и взяла одно из одеял.

— Возьми, сынок, я отдам им твое...

В комнату вбежали девочки. Увидев на столе лепешки, они запрыгали вокруг матери.

— Мама, можно кусочек? Ма, ну дай...

— Ваш брат уходит от нас, — сказала мать.

Близнецы замерли и испуганно прижались к матери. Она оттолкнула девочек и стала укладывать его скромные пожитки: вылинявшую рубашку, пару ботинок, рабочую одежду. Она завернула все это в одеяло и протянула ему.

— Где ты будешь ночевать?

— Не волнуйся! — закричал он, чувствуя, что сойдет с ума, если останется хотя бы на минуту и заставит себя еще раз взглянуть в ее заплаканные глаза. Как просто было бы взять и остаться! И снова ровно через неделю настанет воскресный день. И не будет ни граммофона, ни велосипеда. Только близнецы, которые скоро уже станут девушками, да еще одно крикливое дитя.

Они проводили его за сломанную проволочную изгородь, через голую равнину, на пыльную дорогу. Они прижимались к нему и тянули за обтрепанные рукава, словно еще надеялись удержать. Но взгляд юноши был устремлен к горизонту, мысли его были уже далеко от жалкого дома, нищенской фермы, даже от родных — матери, отца, сестер.

На дороге он остановился.

— Я, пожалуй, пойду дальше один. Сэлли, Лэлли, берегите маму. Теперь ваша очередь... — И, глядя на печальные лица родных, юноша почувствовал, что его глаза наполняются слезами и он не в силах этого скрыть. Он быстро поцеловал мать, круто повернулся и зашагал по дороге. Мать рванулась за ним. Надежда остановить, вернуть сына, видно, еще теплилась в ее сердце. Но юноша обернулся и с бравадой, свойственной истерзанной юности, воскликнул:

— Пока! Я, наверное, скоро напишу, мать...

А потом они уже видели только пыль, поднимавшуюся у него из-под ног. Медленно, скорбно пошли они назад в хижину в печальном мареве пустого воскресного дня...

Перевел с английского А. ШАРОВ

НАЛАДИЛ ПАРУСА — И СКВОЗЬ САХАРУ

Мы уже писали (в № 2,79) об опытах французского конструктора Арно де Розне с парусом, доской и колесами. Сооружение его, получившее название «спид-сейл» («скоростной парус»), тогда еще только проходило проверку. И вот — первое путешествие на «спид-сейле». Да какое! За двенадцать дней Арно де Розне прошел под парусом 1300 километров. И километры эти пролегали по Великой пустыне — Сахаре

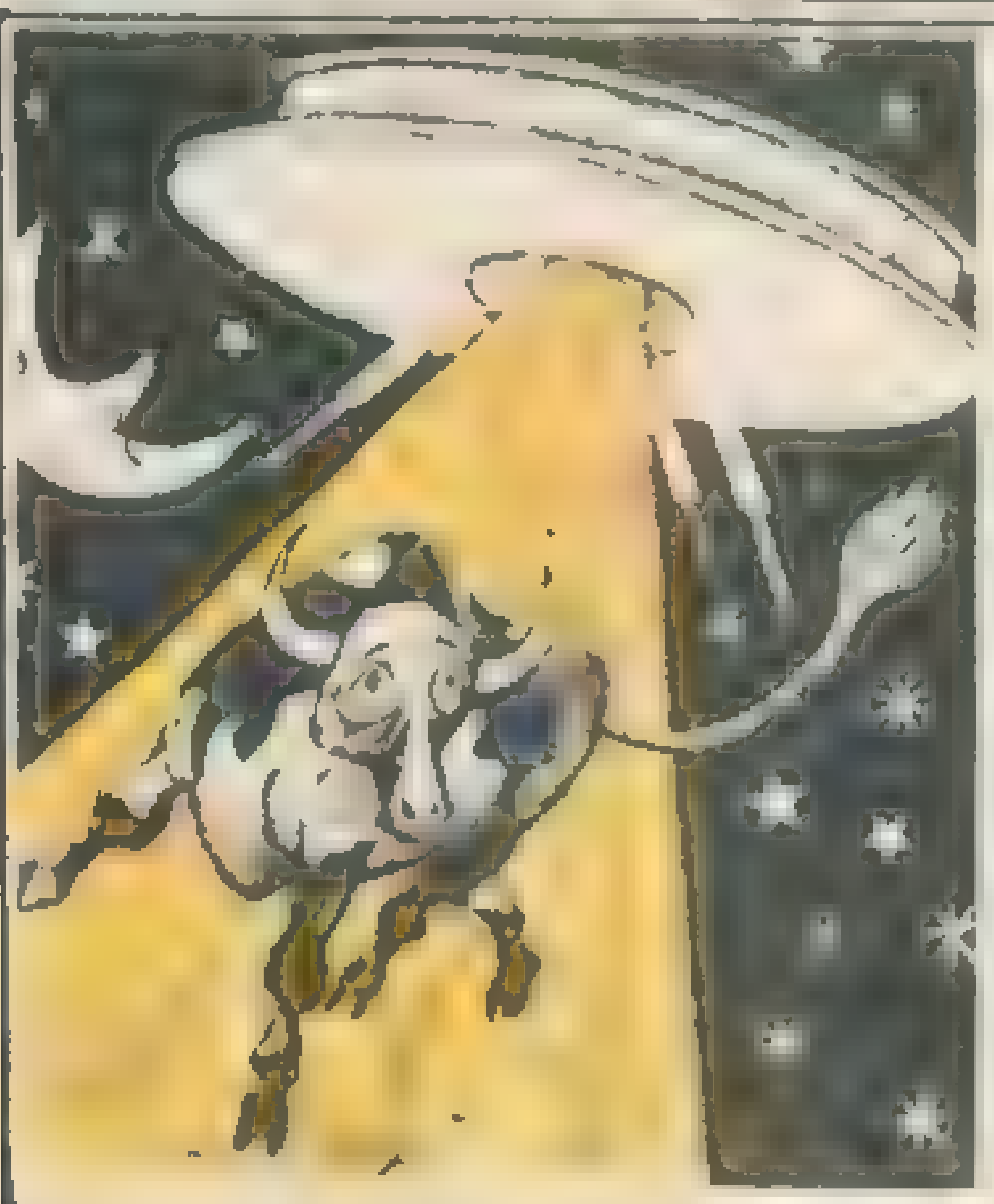
«Спид-сейл» выдержал испытание ветром. Арно де Розне выдержал испытание пустыней. Более того: испытание это пришлось ему по душе В марте 1980 года он планирует повторить переход под парусом из Наудибу в Дакар, но на этот раз в составе 40 одиночных экипажей, которые будут соревноваться в скорости.

У КОГО НЕРВЫ КРЕПЧЕ?

Они сослуживцы. Работают в цирке «Аэрос» Германской Демократической Республики. Человек — его зовут Франческо Капри — дрессировщиком, леопард Бенгали — леопардом. Человек говорит: «Главное в нашей работе — взаимное доверие». Леопард ту же мысль выражает иначе — дружеским объятием или безупречным исполнением непростого номера: умудряется вытянуть кусок мяса изо рта человека так, чтобы не поцарапать его лица. Человек радуется за партнера «Такой трюк под силу только зверю с крепкими нервами».

Коллега Бенгали, леопард Педро, взбирается по винтовой лестнице под самый купол, тигрица Нунья сидит не шелохнувшись, когда в миллиметре от ее шеи в дерево вонзаются раскаленные ножи... Вот какие нервы у актеров этой труппы, шестнадцати диких кошек — пантер, леопардов, ягуаров, пум, львов, тигрицы. Чего не сделаешь ради друга, если он настоящий человек!

НЛО ПРОТИВ КОРОВ

Дороги штата Нью-Мексико усеяны трупами коров (причем буквально — за последние три года погибло 10 тысяч животных). Ветеринары не могут дать этому явлению никакого объяснения, и потому по штату поползли самые невероятные слухи о ритуальных убийствах коров неведомыми сектами; о порче, напущенной колдунами; о каких то чудовищных плотоядных полевых мышах; о летающих тарелочках даже якобы пришельцы используют коров для своих научных опытов

Правда, последний вариант — научные опыты — оказался наиболее близким к истине. Только опыты эти осуществляют совсем не «инопланетяне» полиция штата поручила расследование детективу Гэйбу Вальдесу, и он обнаружил, что следы ведут в лаборатории в Лос-Аламосе, где разрабатываются способы биологической войны. Об этом Вальдес и рассказал на страницах местной газеты «Сан».

ГОРОД И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Сколько стоит дорожная рытвина? На этот вопрос (по сообщениям американского журнала «Тайм») дает точный ответ муниципалитет города Веллстона, штат Огайо, где каждая рытвина продается по десять долларов за штуку

Дело в том, что в Веллстоне рытвины имеются с избытком (семь тысяч на город с населением в шесть тысяч), но нет денег на ремонт дорог. Именно эти два обстоятельства породили у находчивого мэра города мысль добыть недостающие деньги путем продажи того, что есть в избытке. Дали через газету объявление — и покупатели нашлись (недвижимость-то все дорожает!). Они платят десять долларов за приглянувшуюся рытвину и получают ее фотографию вместе с документом о том, что данная бывшая рытвина является неотъемлемой собственностью покупателя

«ПАРИЖ — МОСКВА»

Под таким названием в Центре искусств Помпиду в Париже открылась выставка, которая рассказывает о развитии и взаимовлиянии культуры двух стран в первой трети нашего столетия. Более 2500 экспонатов — книги и документы, живопись, графика, скульптура, музыка, театр, кино, архитектура, фотография — все виды искусства представлены здесь. Но не только широтой охвата культурной жизни отличается эта выставка от всех других экспозиций, каких много бывает в Париже. Центр выставки — павильон «1917». Год Великой Октябрьской революции, символ XX века. Как пишет еженедельник «Юманите диманш»: «Здесь мы видим искусство, рожденное революцией, искусство, сражающееся за революцию. Окна РОСТА и агитпоезда, где все сделано руками крупнейших художников века, произведения монументальной пропаганды и фотодокументы, работы Маяковского, Родченко, Дейнеки, Петрова-Водкина, Татлина. Здесь перед посетителями с необыкновенной ясностью открывается влияние великой революции на все области художественного творчества в наше время. Здесь сердце выставки «Париж — Москва»

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО ДЕМИСА

Этот снимок сделан во время прошлогоднего чемпионата мира по футболу — Демис Руссос выступал тогда на стадионе «Кордова». Нет, нет, не сомневайтесь — в своем привычном качестве певца, конечно. Но все же выступления Руссоса имели значение и для футбола: сборы от концертов значительно помогли устроителям чемпионата

Аргентинский чемпионат помог и Руссосу: в свою новую программу, показанную недавно в парижской «Олимпии», он включил несколько традиционных аргентинских танго. «Я люблю танго, — сказал Руссос, — потому что они насыщены неподдельными человеческими страстями. Это маленькие трагедии в музыке»

МИЛЛИОНЫ В РАКЕТКЕ

Трудно сказать, чем знаменит Бьёрн Борг больше: своим удивительным мастерством на корте или своими доходами. Конечно, специалисты ценят его за необыкновенное хладнокровие, выносливость, артистизм. Зато далекие от тенниса люди восхищаются его умением делать деньги. А знают они об этом из радио- и телевизионных передач, спортивных и неспортивных изданий. Среди журналистов стало своего рода «хорошим тоном» говорить не столько о мастерстве теннисистов, сколько считать их заработки. Например, французский журнал «Теннис магазин» с восторгом сообщает: «Все, к чему прикасается Бьёрн, приносит ему деньги...» И далее следует перечень всего, что носит, ест, читает лучшая ракетка мира. А что же сам Борг? Он играет...

Мы говорим о музыке

Идут годы, и, естественно, меняется все вокруг музыки и в ней самой, меняется «сцена» — появляются сотни новых имен, и новые обладатели «золотых» и «платиновых» дисков высказывают новые и не очень новые мысли о том, что есть музыка и что вне и вокруг нее, но, остановимся и оглянемся, ибо не исчезает интерес к тем, с кого, пожалуй, начиналась современная молодежная музыкальная «сцена», — к ансамблю, прозванному западной прессой «легендарной четверкой» — «Битлз». Мы уже неоднократно писали о них — о том, как они начинали, как они продолжали (см. «Ровесник № 7 73, 8/76, 4, 5, 8 77). Но подрастают новые поколения слушателей, и не только они, но и их старшие коллеги по пристрастию продолжают интересоваться «феноменом «Битлз», а точнее — феноменом поколения кризисных для духовной жизни Запада шестидесятых И интерес этот — здоровый или, напротив, нездоровый — часто выражается в таком, казалось бы, весьма далеком от интереса к духовной жизни вопросе: «Будут ли «Битлз» снова вместе?» Бывшие участники ансамбля уже неоднократно отвечали на него, и вполне однозначно: «Нет», и все же вопрос этот продолжают задавать. Вот очередной ответ, который дал в 1979 году Джордж Харрисон корреспонденту западногерманского журнала «Штерн».

ДЖОРДЖ ХАРРИСОН: «ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

— Целых три года о вас ничего не было слышно. Почему вы так мало работали?

— Просто все музыкальные дела мне до смерти надоели. Я ведь с девятнадцати лет варюсь в этой каше Музыкальный бизнес давно уже потерял для меня всякое очарование У меня не осталось никакого желания быть конкурентоспособным Я бросил все в 1977 году и наслаждаюсь мирной жизнью. Только в конце прошлого года у меня снова появилось желание работать. Тогда я и начал делать новый альбом

— Чем же вы занимались все это время?

— Много времени проводил на автогонках. Мысли о музыке меня почти не посещали. Меня гораздо больше волновал вопрос, что станет с Ники Лаудой[1] после его ужасной аварии Вы не можете себе представить, что он пережил, когда люди лезли его фотографировать, так и норовили запечатлеть его искалеченное лицо. Пробирались даже в больничную палату .. Как-то раз мы с ним говорили, и он сказал, что мечтает бросить все — сидеть дома и никуда не выходить, иногда слушать хорошую музыку. Я его очень хорошо понимал. И тогда, придя домой, я сел сочинять. Мне очень хотелось, чтобы Ники в свободные минуты было что послушать

— Следовательно, новые песни родились у вас из чувства долга, из ваших обязательств перед другими людьми, скорее чем просто из желания писать музыку?

— Верно, частично верно — из обязательств перед людьми. Но если вы когда-то действительно писали музыку, вы будете продолжать это делать. И если вы написали мелодию, вы, естественно, хотите сделать хорошую пластинку. Потому что если бы я умер вот сейчас, то я хотел бы, чтобы от меня остались по-настоящему хорошие песни

— Традиционный вопрос: встретятся ли «Битлз» снова, для совместного турне?

- Чего от нас хотят? Крови? Хотят, чтобы мы кончили, как Элвис Пресли?[1] Мы же до сих пор не расстаемся с людьми. Есть наши фильмы и пластинки, которые они могут слушать сколько угодно

— Но ведь это значит, что люди не хотят забывать «Битлз», что они все еще в вас нуждаются

— Повторяю: от нас остались песни! «Битлз», как считают теперь, дали некий толчок в развитии современной музыки Но каждый год, пока

[1] *Ники Лауда — известный итальянский автогонщик. — Примеч. ред.*

[1] *Известный американский певец Элвис Пресли умер от инфаркта в 1977 году, «загнав» себя как человек и пережив себя как художник. — Примеч. ред*

мы были «Битлз», может идти за двадцать. Кажется, что прошла вечность — помножьте! И с меня хватит. Мы-то ведь никогда не видели «Битлз». Да, мы четыре молодых человека в этом мире, которые никогда не видели «Битлз»! Так и можете нас называть (смеется). Мы были четыре относительно здоровых человека в мире безумия. Люди использовали нас как оправдание для собственных слабостей и ошибок, и мы жертвы их оправданий. Вот почему они хотят, чтобы мы снова стали «Битлз», а они снова могли безболезненно валять дурака. Но они никогда не принимают в расчет наше желание — хотим ли мы снова быть «легендарной четверкой».

— Значит, если бы представился шанс начать все сначала, вы не стали бы «Битлз»?

— Никогда! Ни в этой, ни в иной жизни! Я вот что имею в виду: нам вместе было иногда плохо, иногда хорошо, больше даже хорошо, чем плохо, но, вот когда нас превратили в манию, из этого могло быть два выхода: или остановиться вовремя, или умереть. Вы не представляете, как часто мы были на пороге смерти: самолеты загорались, автомобили переворачивались, приезжали на место — толпы готовы были затоптать нас в восторге погони за нами. Время сжималось, мы превращались в стариков.

Но были у нас и добрые времена. Конечно, когда группа распалась, начались все эти публичные скандалы, когда мы отсуживали друг у друга что-то, кстати, теперь я понимаю, как это нам повредило. Люди видели, как «Битлз» обращаются друг с другом, значит, и с нами можно обращаться как угодно, использовать нас в своих мелких корыстных целях. Одни теперешние мюзиклы, фильмы «про «Битлз» чего стоят — это целая индустрия, использующая нас. Да ладно, бог им судья. Мы бы, конечно, могли их затаскать по судам за нарушение авторских прав, да надоело нам все это. Сейчас мы снова друзья и с бóльшей охотой вспоминаем хорошее, чем плохое.

— Сейчас появились еще и миллионы «воспоминаний о «Битлз». Оказывается, существует масса людей, которые были вашими менеджерами, вашими шоферами, доставляли вам молоко...

— Пресловутый «пятый «Битл»... Их миллионов десять — пятых «Битл» — развелось. С одной стороны, это смешно, но, с другой... «Человек, из-за которого «Битлз» распались», — все эти чудовищные мемуары, люди сами даже не представляют, что они такое несут! Вот уже пятнадцать лет толпы трещат на всех перекрестках о десяти минутах, которые они с нами провели. Это просто аморально, это надо запретить! Вот плата за славу — стыд.

— Значит, не здóрово это — быть предметом тоски по прошлому?

— Если уж честно, тоска по прошлому началась еще в 1967 году [1] — тоска и публики и наша по тому, что мы делали раньше. А последующие годы — до нашего распада — были не очень-то приятными, и по ним никто не тоскует. А вообще-то это забавно — как будто ты Чарли Чаплин или еще кто из великих стариков, лучшее время которых прошло. Но мне приятно, что старая наша музыка все еще жива, она действительно хорошо звучит и сейчас... Видите, я все время как старик говорю...

— Вы встречаетесь, хотя бы изредка, с Джоном, Полом и Ринго?

— Да, с Полом и Ринго встречаемся. Вот Джона не видел уже пару лет. Иногда я получаю от него открытки.

— Вам нравится музыка, которую сейчас пишет Пол?

— Я всегда любил его приятные лирические мелодии гораздо больше, чем визг в стиле рок-н-ролл. Я не любитель «забойных» вещей. Я люблю приятную музыку. Сейчас Пол такой не пишет.

— Но ведь и «Битлз» когда-то играли «забойный» рок-н-ролл.

— Совершенно верно. Но я, несмотря на это, всегда терпеть не мог музыку конца шестидесятых. Я предпочитаю нечто более спокойное. Например, Эрика Клаптона. На сцене он может переиграть любого гитариста мира. Но он этого не делает. Он слишком тонкий и тактичный человек для этого. Но иногда можно засчитать в плюс даже то, чего человек не сделал.

— Почему Джон ведет такой замкнутый образ жизни?

— Просто он не хочет, чтобы его имя трепали в прессе и чтобы из него всю жизнь делали полупророка-полусумасшедшего. Сейчас он совершенно счастлив в своей семье.

— Изменило ли появление ребенка вашу жизнь?

— Да! Все прекрасно! Главное, с ребенком все хорошо. Каждая минута с ним — это потрясающе! Я думаю, больше всего времени я провожу, наблюдая за тем, как растет мой сын.

— А у вас нет желания снова совершить турне?

— Нет. Во время турне я чувствую себя очень напряженно. Я страшно устаю, выматываюсь. Приходится очень рано вставать, мчаться в аэропорт. И потом все эти средства, которые поддерживают бодрость и помогают все время быть «в форме»! Уже мое первое турне по Америке повергло меня в совершенно стрессовое состояние. Когда мы были «Битлз», наше выступление продолжалось обычно полчаса. В Америке я играл по два с половиной часа один. Я дал сорок семь концертов. Я был просто при смерти. Мне надоело жить в этих дурацких отелях и есть плохую еду и вообще быть кем-то...

— Но обычно для музыканта турне — это что-то вроде высшей степени соединения с музыкой. Вы не согласны?

— Когда ты на сцене и оркестр хорошо играет — тогда все в порядке. Каждый получает свою долю удовольствия. Но теперь мне уже не нравится на всех концертах выступать с одними и теми же песнями. Однажды после концерта в Лонг Бич, когда уже разошлась публика, я остался и смотрел на бульдозер, который собирал весь мусор, что они там побросали. Там были туфли, какие-то одежки, но больше всего было бутылок. Огромная груда бутылок. Я сам иногда могу выпить и получить от этого удовольствие. Но люди, которые пьют на концертах, совершенно не готовы воспринимать музыку. Ктó играет, чтó играют — им все равно. Лучше уж я буду сидеть дома, работать в саду, сажать деревья. Я очень люблю сад. Когда я работаю в саду, все проблемы вылетают у меня из головы.

— Вы уже давно не выпускали ни одного «хита». Для вас, по-видимому, важно, будет ли иметь успех ваш новый альбом.

— Я, конечно, буду рад, если успех будет. Но я не люблю вкладывать силы в борьбу на дисковом рынке. Все это не слишком много для меня значит. Если успеха и не будет, у меня достаточно денег для того, чтобы жить спокойно.

— В общем, вы не собираетесь отдавать свою жизнь за рок-н-ролл?

— Нет, за рок-н-ролл я не отдам свою жизнь. Это уж точно. Даже если по радио больше никогда не прозвучит ни одна моя песня. Жизнь продолжается. Были времена, когда работа в студии звукозаписи была для меня самым большим наслаждением. Но и это прошло. Теперь я задаю себе вопрос, как мне жить и что вообще нужно делать со своей жизнью? Я не хочу умереть, так и не узнав, кто я такой и в чем смысл жизни. Моя главная цель — осуществить себя. Как — не знаю. Но знаю, что все остальное не так уж важно.

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

[1] *И сами «Битлз», и публика считали, что наибольшего расцвета ансамбль достиг в 1967 году, и годы до распада, случившегося в 1970-м, были кризисными для «Битлз». — Примеч. ред.*

СЕНЬОР МОНТАНО, ВЫ УЖЕ В ФИНАЛЕ?

рассказ о дуэли двух известных фехтовальщиков на VII летней Спартакиаде народов СССР в Москве

А чтобы все это представить, совсем не надо закрывать глаза. Наоборот: откройте — и смотрите. Вот перед вами новый легкоатлетический манеж ЦСКА — такой же, как будет в июле 80-го года. С киосками на площади и автобусами на стоянке, с красными транспарантами над козырьком парадного подъезда и с желтыми буквами на электрическом табло над вечнозеленым искусственным полем: «Привет участникам соревнований!» На русском, английском, немецком, французском — привет!

А что участники? Они готовы. Они понимают: VII Спартакиада — уже не проверка перед боем, а проверка боем. А это разные вещи.

У каждого спортсмена свой мир. У фехтовальщиков тоже. В нем они живут, дерутся, плачут, кричат, побеждают. И здесь, как в любой жизни, как в любом спорте, самое трудное — это быть побежденным.

...Так вот почему в этом мире, под колпаком стеклянного манежа, с утра, перед первым боем, дрожало в воздухе и явно ощущалось напряженное веселье. Взмахнешь рапирой в пустоте пространства — она звенит, как от удара по металлу. В девять часов в зале было восемьдесят два дуэлянта и ни одного побежденного. И ни одного победителя VII Спартакиады, в которой впервые принимают участие спортсмены из других стран, а не только пятнадцати союзных республик, Москвы и Ленинграда. (В турнире фетховальщиков — сорок гостей из десяти стран.) И это не просто дорогие гости, а чемпионы и призеры мировых первенств и больших международных кубков. У любого из них есть надежда и шанс стать победителем Спартакиады народов СССР. И этот шанс единственный. Только фехтовальщики или люди их круга знают, как легко его упустить в соревнованиях «с выбыванием после второго поражения».

Фехтование — достойная игра для людей со стальными масками, рапирами и нервами. Поле боя — узкая дорожка в четырнадцать метров длиной. Даже меньше. Потому что, когда за спиной «остается один метр боевого пространства, бой останавливается» (из правил).

Объявили участников, вызвали судей (судейство здесь ведется на французском). И началось... По звуку казалось, что невидимые боги на Олимпе звонко сдвинули бокалы голубого хрусталя. Это тридцать мужчин на пятнадцати дорожках встретились с оружием в руках.

Бой продолжался весь воскресный день, чтобы к понедельнику согласно правилам осталось восемь пар — шестнадцать претендентов, которые вошли в следующий круг — в тур прямого выбывания.

Лишь в этом туре жребий их столкнул.

— На пятнадцатое поле боя вызываются Александр Романьков (Белоруссия) — Карло Монтано (Италия).

До этой минуты они ходили по манежу кругами, волоча за собой баулы с оружием и масками. И дорожки их не пересекались в легкоатлетическом манеже ЦСКА. И они не искали глазами друг друга, чтобы с первого взгляда понять: готов соперник к бою или слаб. Они были знакомы давно и встречались на всех континентах земли: в Гренобле и Буэнос-Айресе, в Бонне и Москве. И теперь, как два пешехода из школьной задачи, они двигались навстречу друг другу из пункта А и пункта Б. Требовалось узнать: кто победит при встрече? Вот и вся задача.

Тур прямого выбывания — фехтовальный марафон: каждый бой продолжается двенадцать минут. Для победы необходимо нанести десять уколов (вместо пяти как обычно).

Итальянец, смуглый парень с квадратной фигурой стоппера (центрального защитника), был легок накануне: выиграл все воскресные бои, поехал в гостиницу «Россия», побрился, переоделся, вышел погулять по ночной Москве. И вышел на бой с Романьковым спокойно, как надо. А Романьков уже имел к понедельнику два поражения и на вопросы друзей: «Как дела?» — отвечал: «Не идут». И никто не просил объяснений: специалисты по фехтованию понимали кое-что и в жизни. И отходили от бледного парня в зеленом спортивном костюме сборной команды Белоруссии...

— Прэ? — спросил судья Урышану (Румыния), и это означало: «Вы готовы?»

— Алле! — начинайте.

Саша первым нанес укол и крикнул: «Оп-она!», как все они кричат во время боя. Но Карло поймал его на следующей же атаке и сравнял счет. (У него защитная манера, нехарактерная для агрессивных итальянцев.) И дальше все атаки Романькова разбивались об эту смуглую стену — Карло Монтано (он вел уже 4 : 1). Романьков поднял маску, лоб был мокрый и усы, но он не замечал. Ничего не замечал, кроме счета.

— Прэ? — спросил судья.

Через минуту счет был 4 : 5. Саша догонял итальянца, и тот начал раскрываться в защите, и стало 6 : 6. И тогда Монтано, недовольный действиями судьи, снял маску и развел руками, обращаясь к публике. Но публика его не понимала, а двоюродный брат Марио, олимпийский чемпион в Мюнхене, спал на скамейке, в двух шагах от боя, и потому не мог понять, чего хочет младший Монтано.

Карло посмотрел на секундомер у дорожки: еще десять минут. Времени хватит на три таких боя, если не волноваться. И снова он ушел в защиту, как в себя, и ждал. «Хуже нет, чем ждать и догонять» — так говорят в народе. А эти два левши — Романьков и Монтано — молча поделили между собой две неприятные обязанности: Саша догонял, Карло ждал. Итальянец победил 10 : 6.

Романьков мимоходом пожал ему руку, сошел с дорожки и швырнул рапиру на пол... Монтано и в этом туре не проиграл никому и в финал влетел как на крыльях.

Был перерыв — была возможность поговорить об июле 80-го, о первых Олимпийских играх, на которых ему предстоит выступать в составе итальянской сборной.

— Кстати, о составе...

— Он известен, — сказал Монтано. — Дель Зотто, Борелла, Нума, Черви и Монтано.

И он, как ветеран, мне рассказал о каждом. А Романьков потом добавил пару слов. Он тоже хорошо знал этих ребят.

ДЕЛЬ ЗОТТО — олимпийский чемпион в Монреале. Высокий, быстрый, хитроумный. Поймать его, заставить ошибиться очень трудно. Его тренирует метр Ди Роза. Машину чемпион водит мастерски, но все-таки рискованно с ним ездить, считает Монтано.

Романьков проиграл Дель Зотто Олимпиаду: и бой, и перебой. Стал серебряным в Монреале. Зато дважды побеждал итальянца на чемпионатах мира. И это было нелегко: Дель Зотто бегунок, всегда в атаке. Очень нервный парень.

БОРЕЛЛА — чемпион мира среди юниоров 1979 года. На том турнире в Чикаго он поразил всех мощью: рост метр девяносто, хорошо сложен, рапиру держит как иголку... Ему 18 лет, тренирует его тот же метр Ди Роза в Местре (Венеция).

На первенстве мира в Буэнос-Айресе в 77-м году Романьков переиграл могучего юношу со счетом 5 : 1 в последнем бою.

НУМА — победитель юниорского чемпионата мира 1976 года в Мадриде. Ему 17 лет, он учится в Престе, в технической школе. Был случай, когда на международных соревнованиях, в которых участвовало 320 человек, он не проиграл ни одного боя вообще. Монтано спросил его в тот день: «Как ты не упал на дорожке от усталости?» — «Что ты, Карло, разве это работа?» — ответил тот вопросом на вопрос.

Романьков считает, что Нумо ничем не отличается от остальных итальянцев из сборной: такой же настырный. Но никогда не нагрубит. Приятный парень: высокий, смуглый, с живыми карими глазами. И его тренирует Ди Роза.

ЧЕРВИ — финалист двух международных турниров: «Киевская рапира» и «Боннский лев». Пробил себе место в команде только в этом году.

В Киеве Романьков ему проигрывал 2 : 4, но победы не отдал. Черви запомнил этот бой (4 : 5) и отомстил на «Боннском льве» — 5 : 4. Но последнюю встречу Романьков провел как учитель: показал итальянцу несколько обманных движений. Пять из них были удачными...

Перед финалом был парад открытия, похожий на все спортивные парады.

...Снова они встретились. Теперь уже оба измотанные двухдневными тяжелыми боями. И положение у них было одинаковое (одна победа, один проигрыш у каждого в финале). И желание одно: выиграть. Потому что в спорте и в жизни самое тяжелое дело — это быть проигравшим.

— Прэ? — спросил судья Русле из Франции.

— Алле!

...Девочки из пресс-центра принесли свежую информацию на плотных белых листах, рожденную при помощи АСУ «Олимпиада».

Там было написано: «Представляем участников. Монтано Карло. Родился в 1952 году в Ливорно. Не женат, студент фармацевтического факультета. Занимается фехтованием с шести лет. Участвовал в чемпионатах мира (в 1974 году — 2-е личное место, в 75-м — 3-е)».

...Романьков начал с простой атаки, и она получилась — 1 : 0. Он повторил тот же ход, и Карло его ждал, чтобы легко отвести удар и нанести ответ. Но не успел: фехтование — дело секундное. И вот уже горит 3 : 0. Монтано начинает злиться, забыв, что козыри его — спокойствие и хитрость. 4 : 0.

«Представляем участников. Романьков Александр. Родился 7 ноября 1953 года в городе Корсакове. Холост. Студент. «Динамо» Минск. Тренер — Эрнест Асиевский. Занимается фехтованием с 12 лет. Участник чемпионатов мира (в 1974-м — 1-е личное, 1-е командное место; в 75-м — 2-е командное; в 77-м — 1-е личное). Серебряный призер Олимпийских игр 1976 года. Заслуженный мастер спорта».

...Последняя атака Романькова — 5 : 0! Реванш. Но я не вижу слез восторга. Вижу мокрый лоб, озабоченный морщинами. Романьков не допустил Монтано к спартакиадному золоту, правда, и сам стал лишь бронзовым призером.

А в августе в Австралии Александр Романьков завоевал еще одну медаль, золотую...

Александр ШУМСКИЙ

Вы помните, как это было? «Сообщение ТАСС. 12 апреля 1961 года...» Профессионально четкий голос Левитана подрагивал от радости.

Потом было много таких сообщений. Были «Востоки», «Восходы», «Союзы». Была радость. Были песни о них. А на тридцать первом «Союзе», пилотируемом летчиком-космонавтом Валерием Быковским, к звездам взлетел первый космонавт ГДР Зигмунд Йен. И в ГДР зазвучали новые песни — песни о совместном полете. Мы публикуем одну из них. Музыка Арндта Баузе, слова Дитера Шнайдера.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ «СОЮЗ»!

1. Er ist zurück,
unser Mann aus dem All!
Und wir alle sind auf den Beinen,
wünschen ihm Glück,
unserm Mann aus dem All,
alle Grössen und alle Kleinen.
Das wird ein Fest
für den Mann aus dem All.
Unsre Lieder sind weit zu hören.
Leute vergesst dabei
auf keinen Fall
auch ein Gläschen darauf zu Leeren.

ПРИПЕВ.

Wir singen: eins, zwei, drei,
hoch soll er leben!
Eins, zwei, drei,
lang soll er leben,
ein Salut für ihn und seinen Mut.
Und nochmal: ras, dwa, tri,
hoch soll'n sie leben!
Ras, dwa, tri, lang soll'n sie leben!
Unser Land reicht euch die Hand!

2. Er ist zurück,
unser Mann aus dem All!
Doch wer geht da an seiner Seite,
wen bringt er mit,
unser Mann aus dem All?
Ja, mit wem teilt
er Fleiss und Freude?
Da sehn wir heut
seinen Freund aus dem All,
Kommandant seiner grössten Reise.
Standen zu zweit
ihren Mann hoch im All,
zogen über uns ihre Kreise.

ПРИПЕВ.

3. Er ist zurück,
unser Mann aus dem All!
Mann, der Mann hat sein
Wort gehalten.
Auftrag erfüllt.
Wir sind alle im Bild,
und nun woll'n wir
auf Feiern schalten.
Nun ist er hier,
unser Mann aus dem All
und erzählt uns
von Flug und Fernen,
einer wie wir,
und es gibt einen Ball,
dass die Sterne
das Tanzen lernen!

Цена 25 коп.
Индекс 70781